

«ЛЕТИТЕ ГОЛУБИ!» -

В исполнении

Людмилы и Станислава Власовых

№ 23 (925) ДЕКАБРЬ 1965

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

смена

ЗА ЭШЕЛОН

Xорошая мысль редко придет сама. Разве это плохая мысль — взять отпуск весной, в апреле, и поехать на родину, где ты не был двадцать лет? Мысль эта, конечно, особенно если родина твоя — Ташкент.

Станчичи, на несамостоятельный. Смелков написал оду:

...Мы позабыть нинзан не в силах —
ни старший брат, ни младший брат —
о том, что здесь, в больших могилах,
на склонах гор, чужих и милых,
сыны российские лежат.

А если ты позабыл, то вспомни, что
делов твоих, обихода, принял на землю;
и отца с матерью дала тебе землю; и
что на той земле в первом на своем
роду пионерской лагере кровати, помы-
шь, стояли под огромными урюковыми
деревьями и перезрелые урючники,
как бомбы, ссыпалась на вас, сонных.
В те дни на тысячи таких кроватей с
всем падали настоящие бомбы, рушались
стены, падали воронки в воронке своей
мощи; но там падали урючники, и жуткое
богатство было смотреть, как они висят над
тобой, готовые сорваться.

Вспомни хотя бы это, и придет тебе в
голову хорошая мысль.

Xители Ташкента — большие патриоты. Гость должен увидеть главное!

«Как, вы не купались в Комсомольском озере?» Этот вопрос я слышала малышиком: озеро только что вымылано яслидами тощечкой джидой. Теперь деревенька выросла, тени много. Уже появились и стало популярным новое Ташкентское озеро. Красивые горожане слова «зародилось каким-то колоссальным Чар-вацким морем, которого еще нет, но

которое, говорят, будет. Наведываясь в Москву, моя ташкентская родня всякий раз по-новому агитировала за Ташкент. То я должна была мчаться туда, чтобы посмотреть оперный театр: другого такого нет нигде. Потом появлялось что-то новое: башни с курантами. И вот совсем недавно: «Тебе необходимо приехать, посмотреть гостиницу «Ташкент»!»

Вот я и приехала. Но про гостиницу не вспоминаю. «Как, вы еще не были в студгородке? Вы обязаны его посмотреть!»

Студгородок. Корпуса, корпуча, корпучка. За стеклом ловитки времена сидят русый малый в коричневой кобке и сорят в трубку, чтобы принимали объект. Самосвалы. Возле расчиненного подъезда вытирают стулья, много одинаковых стульев. Спортивный дворец, новейших очертаний. Все великолепно.

Внутри железобетонного скелета гость замечает студентов, они стоят цепочкой, перекидывают кирпичи и перекидываются штуточками.

Гость останавливается, смотрит, слушает; может быть, вспоминает немногого лето сорок девятого, изрытые Ленинские горы и свою бригаду однокурсников; еще думает, что же это было делать этим малышикам с девушками брезентовыми рукавицами, потому что для непривычных пальцев кирпич плох: смиряет кожу, а потом больно писать.

Все правильно: Ташкент, весна. Строят новый вузовский городок, потому что и университет и другие институты там есть. Не им одним тесно: в Узбекистане три десятка вузов, все растут, всем строиться надо, ничего удивительного.

И все-таки удивительно.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Смена
ЛИТЕРАТУРНО - ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА
ВЛКСМ

23 (925) ДЕКАБРЬ 1965

Год издания сорок второй
Выходит два раза в месяц

Tашкент, весна, восемнадцатый год. Первый из новых властей в старом городе, в новом — кратк, гашик люди, птицы горлопанят в молодых деревьях, и над всем, над всеми, перекрываая птиц и людей, гремят трубы революции. Той весной революция расколачивала

бояться, давай возвращайся совсем, — хочешь у нас работать?» У руководителя было лицо молодоженов, приятное, умбастава радужно. Говорят по-русски, чтоб и я понимал.

— Адам тебе пятьнадцать человек, за год-полтора сделашь докторскую, пренесешь. Говорит по-русски, чтоб и я понимал.

— Много, — смеется приятель.

Да и правда немало. Пять лет в студентах, потом три в аспирантах, не успел защититься — получила командировку еще на пять лет «для повышения квалификации».

Слых, как ты там сидишь один, право, депрессию. Много успеешь за пять лет! Здесь за полтора года доктором станешь, людеб дад.

Мой приятель улыбается. Он знает, что почем. Соболазинская шпака — звание доктора наук, и пятьнадцать помощников иметь хорошо или хотя бы одного, но еще лучше знать, что ты умеешь работать. В Москве он имеет дело с ребятами, которые числятся в младших научных сидят при востоке человека в одной комнате, но никто ему их пока не заменит. Конечно, он вернется в Ташкент, когда почувствует, что сможет сократить уровень, оторвавшись от этих ребят. А пока ничего, поработает без лаборатории.

Mне приходит в голову, что, пожалуй, тот, первый эшелон не был, но суть дела, первым.

И до него российская наука посыпалась в Туркестан синими эшелонами, но из-за землетрясения и землетрясения — впрочем, терминологи! Не эшелон — так экипаж, бричка. Например, Северцов выехал из Петербурга в Туркестанский край на двух бричках. Синий эшелон вряд ли мог добраться до места за пятьдесят два дня, но и это несущество. Ташкент его то лошади, то верблюдами.

Туркестан был предметом колониальных устремлений, русские туда попадали всякие. Были чистые, были нечистые.

Впереди всех шли солдаты. Цветастые краски щек землян разрезали глаза — жмурились. Ставили на песках поселения, обносил оградами, чтобы хотели было не засечь.

Когда же тепло кругом, искорки от костра к звездам приближаются и котелок закипает собирался, тогда какая разница: Псковская ли губерния, Алмы ли Тирольские, или Сырдарья?

План.

Иные, отслужив срок, оставались на своем, заводили детки, хозяйство. Дети были уже взятники по рождению.

Вслед за первыми отрядами шла колониальная администрация, офицеры и чиновники. Основывали присоединенные города, завоевывали свои кварталы — с офицерскими собраниями, собарами, дворцами для аристократов и домишками на границе с туземным городом — для мелкой сошки.

Были еще казаки, которых снаком сажали на захваченные земли, чтобы управлять обществом русского духа. Брали их из сибирского войска, самого беззаболотного из русских казачества, да и из тех на заселение Семиречья выделялись быть наихудшие.

Были самодельные переселенцы — воронежские и курские мужики что побойчей.

Были смельчаки революционеры. Знали пародородец Герман Лопатин, перед тем искавший правду под знамением Гарифбайда, друживши с Марксом и Энгельсом, засиживался вечерами у ташкентских интеллигентов.

Были охотники до дешевого туземного труда, хищники, ринувшиеся в Туркестан делать капитал.

Всиклии не поток колонизации, нечи-

стых и чистых, кого волоком, кого воально.

Еще — учёные. Эти были сами по себе, ходили сюда и до колониальных войн, ходили и с войсками, но как-то странно, так что и не поменялся, за Россию это, в очках, или вдруг за бузурган.

Не возумышль утверждать, что в науке работают какие-нибудь особенные, куда как. Кажд и всходу, есть в ней отличные люди, хватает и прокостов, но это в среднем, на круг, а локальном распределении, неравномерно. Прокост воровят поближе к начальственным высотам, к увесистым окладам, да еще чтобы принятным баритоном и при белоснежном воротнике пройтись этап перед дамами об актуальных проблемах. Когда же нужно несколько тысяч верст на бричке, и чуть ли не на своих денежки, и все ради каких-нибудь минералов либо туфель, то придется собирать в другой стране, где тебе на каждом шагу может свалить ахоркада, пуша или на полуэтого гада, — тогда вступает в силу суровый закон отбора.

Тогда едут лучины из лузущих, которых истина нужна, а не карьера.

И если счастливчик Кавказ вздумал бы прихватиться перед моей Средней Азией своим и вправду чудесным родством с российской словесностью (Пушкин! Лермонтов! Грибоедов! Толстой!), то в ответ можно предъявить столь крупные и чистейшей воды алмазы из короны отечественной науки, что неизвестно будет, кто богаче.

Зашелона, что даже собственные дети стремились им подражать, — дети, как известно, к своим родителям и их занятиям относятся с повышенной критичностью. И уж если говорить о детях, то Алан Семеновых заодно научил гвардии Семеновых-Тимановских и династии Северцовых.

Основатель династии, Николай Алексеевич, как упомянуто, выехал из Петербурга в свою первую туркестанскую экспедицию на двух бричках, нагруженных доверху. Он совершил семь экспедиций по Средней Азии, несколько раз умирал, не умер и вновь возвращался к работе. Пишут, что был Северцов некрасив, речь имел величественную, но в отношении к жизни обладал достаточной внятностью.

Как беспощаден Северцов к казакам! «Войне они любят народ — на разграбление беззаконием ауди», но если есть хоть некоторое ощущение опасности сопротивления, то семиречские гвардии, как и сибирские, весьма берегут жизнь от опасности». «Семиречские гвардии» не только трусливы. Они ленивы, распутны, бесхозны, унижают лес, разрушают арыки.

Заметим, что эти слова относятся к современникам Северцова — русским, колониализированным краям. Напротив, о коренных его жителях учёные говорят с участием: «Обитатели Средней Азии, боржомы и дары пророды стараются изъевать болезнью, туюко — с клочков земли, берегут вода для пастбищ, как иссык-кульские киргизы, садят деревья в степи, разводят строевой и аровянной лес, как узбеки».

Объективность этих оценок замечательна не только в сравнении с привычным высокомерием колониальной администрации, с ее презрением к туземцам, но и особенностю потому, что лично у Северцова было больше, чем у иного другого, оснований желать зла обитателям края.

Заметим, что в апреле 1856 года его захватили в плен. Врач, для содействия описывать все мучения, доставленные до долю Северцова за месяц плены. И вспомнили именно Северцов неоднократно в резкой форме выражает против притеснения местного населения колониальной администрацией, против казачьего разбоя, против уничтожения лесов и неправильного использования систем орошения русскими переселенцами.

Какой же заезд справедливости неслася в себе люди русской науки, работавшие в Средней Азии?

Благодаря этому заезду с самого появления русских в Туркестане появившейся и эксплуататорской политики царизма противостояла практическая деятельность передовой интеллигентии, основанная на идеях справедливости и просвещения. Революция сломала первую силу, да второй все возможности для быстрого развития. Революция распахала почву, а семена уже были, вот в чем дело.

Eти люди, самая профессия которых вынуждала чередовать скитальчество с кафтанистским уединением, были весьма общественны, помогали друг другу чем могли. Они виделись редко, но вместе составляли весомую силу, влияние которой было особенно велико благодаря ее особой притягательности, особому свету, что ли.

Царизм вел войны. Ученые вели исследования. Взаимопонимания не было. Академик Рерих писал: «Придет ли время когда-нибудь, когда правительства и будут умалывать ученых, а люди пустыни будут путешествовать только для того, чтобы изучать народы, а не для того, чтобы их завоевывать или использовать?»

Зато между собой было не простое понимание, но преданность, не знавшая предела.

Алексей Федченко погиб двадцати лет от рода; однокурсники Алексея по Московскому университету Василий Ошанин, открыв грандиозный ледник, дал ему имя погибшего друга. Аедик Федченко знал все, но немногие знают, что это погибший не только, да и другим.

На руках Омара Федченко лежалось восхиммоский сын. Она обработала обширными материалами мужа; затем самостоятельно провела исследования, начатые рядом с ним, и написала «Флору Памира»; еще она сделала так, что и сын Борис стал одним из крупных исследователей Средней Азии. Это было подлинно верности.

Сам же Ошанин, будучи сформировавшимся, хотя и молодым ученым, наскосек перебрался в Ташкент вскоре после взятия его русскими войсками. Тем самым он открыл для себя возможность находиться вблизи от столицы, от ее исследований и закрытия, любую, даже малейшую возможность для научной карьеры. Он служил учителем, что давал ему средства для жизни и возможность путешествовать по краю в канникулярные межды.

Сын Ошанина, Лев Васильевич, был один из тех, кто, страна университет. Он тоже стал крупным ученым и основал в Ташкенте оригинальную антропологическую школу.

Таковы были эти люди, люди первого

辈, еще недавно живу в горах. Тут как раз и майские праздники — попрощать, вернуться в Ташкент, когда туристы-альпинисты штурмом берут автобусы.

Но не торчать же в Юсу-Хане. Принимая предложение четырех ребят-узбеков идти пешком до Ходжикента. Но отсюда ли начинали свой путь путешествия Северцов, Федченко, Мушкетов?

Идем в Ходжикент. Дорога легкая, ве-щая почты никаких. Ребята переговариваются по-узбекски, то-по-русски — видно, есть темы, для которых один из языков более удобен. Иногда останавливаются поклоняясь на меткость камушки в какой-нибудь ступе; иногда забегают вперед; учатся говорить на узбекском языке, учатся говорить на узбекском языке, рассказывают, где работают, ком, в северцовском, говорю, институте работают, в Москве. Был такой путешественник, Северцов, не смы-

шади! Слышали. А институт наш по-
счит ими его сына, тоже большого уч-
еного.

Ребята — студенты, все из разных ву-
зов. Перечисляют их.

— Это, наверно, новые вузы?
— Нет, старые.

Вон как! Вузы старые, ребята молодые.
Все на своем месте. Собственно, так и
было задумано: те моложе тех, когда
чрезвычайный копсар Петя Алексеев-
кий Кобозев руководил торжествами от-
крытия Народного университета.

Кстати, Кобозев и сам читал в университе-
тской два курса: конституцию и энер-
гетику. Надо же было кому читать, пока
зинены не привезли профессоров.
А потом Петя Алексеевича переброси-
ли на Дальний Восток.

Сначала в университете отпра-
влявались заведения, но вот их число
перевалило за несколько десятков, по-
явившись внутренние институты, и считать
перестали: запутались. Да и неактуально:
было когда-то высшее образование пре-
красное, а нынче стало нормой жиз-
ни — чего смысла?

Но еще что-нибудь в первый раз —
это праздник. Первый спектакль и первая
литературная столовая. И, конечно,
первый выпуск. А потом, как в цеп-
ной реакции, первые узбеки с высшим
образованием, первый кандидат, первый
доктор наук! Первый академик! Многое
было этих праздников, шумных или не-
приметных.

Когда в тридцать шестом году моло-
дой математик Сарымзаков организовал
студенческий кружок, чтобы интересы
друзей не затерялись на узбекском язы-
ке — это тоже было в самый первый раз.
Впереди на узбекском языке зазвучала
современная наука, впереди пришлось
искать или создавать новые, не виданные
прежде слова...

Теперь вот есть узбекские учение —
лауреаты Ленинской премии.

«Как Туракузов читает библию?» За-
писки — в сторону, глаза горят!

Тания сама вся сияла, когда про это
рассказывала. Туракузов — один из ле-
нинских лауреатов, а Тания — это Тания.
Я заходил наставить однокурсники отца,
хотел расспросить его о чем — про
первый выпуск, про восемнадцатый год.
Он был тяжелен болен, говорил
с трудом, но с дочерью его, Танией,
разговаривать было легко: она кокетка
библиофика, и мы нашли много общих тем.

путники моя останавливались и требу-
ют, чтобы я остановился.

— Здесь будет Чарвакское море!

Две горы охраняют выход из долины,
между ними узкий каньон, по дну которого
стремится Чирчик. Мы стоим, за-
драв головы, смотрим то на правую гору, то
на левую. Даже не верится, что между
ними можно взгромоздить перемычку
и запереть воду в долине: какая нужна
работа!

Вдоль дороги, по которой нам предо-
жата путь, стоят армы самосвалов. Они
отдыхают: праздники.

Потом я смотрю туда, откуда мы при-
шли: дорога уходит по зелено-желтой
рампе, становится туманней, только и
ничего не видишь под ногами гор, где лежит
Юсуф-Ханык.

Так вот оно, Чарвакское море, мы то-
лько что километры по его дну!

И, значит, когда я снова приеду в Таш-
кент, мне скажут: «Как, вы еще не ку-
пались в Чарвакском море? Но вы обя-
заны...»

А когда я приеду еще раз, к Чарвак-
скому морю успеют привезти, зато бу-
дет что-нибудь новое, на которое и обя-
зан посмотреть.

ИЗ НОВЫХ СТИХОВ

Роберт РОЖДЕСТВЕНСКИЙ

АЛЕНЕ

Где-то
сторопы зноя
с ног
человека валил.
Где-то метель по насты
щупальцами тархтит...
А твоего солнца
хвятят
на десять Африк.
А твоего
холода —
на несколько
Антарктид...
Снова,
крича от ярости,
вулканы
стучатся в землю!
Гулкины
дымящимся клокотом
планета потрясена...
А ты
беспощадней пожаров.

Сильнее
землетрясений.
И в тысячу раз
беспомощней
двухмесячного
пацина...
Оглыдываться
не стоит.
Оправдываться
не надо.
Я только все чаще спрашиваю
с ульбкой и тоской:
— За что мне
такая мука?
За что мне
такая награда?
Ежеминутная
ступолка.
Ежесекундный
покой.

Была компания
лихоя, —
но
самокопания
полным-полно...

Художник с баками,—
втыки
вроде,—
самокопавь,
бубны
о Фрейде.
Он не читал его.
Он просто так
махал
устало
парой цигар...

Девчушка-язва —
смешинь,
как помесь,—
ругала
яростно
свою бесполость.
Ее
латынью
давила желю
врачих
с жестами немолодыми...

Из контакт-холла
флейтист прыщавый
дарил
охотни
свои
несчастья.

Глядел он
липко.
Смеялся
куцо...
И было
длинно.
И было
скучно.
Самокопание.
чуква
жалостъ...

АЛИ-БАЛА

Была ни была,—
круги.
Али-Бала...
Ревет мотор, по горло
натруженный.
Разболтаная дорога
и от пыли
белая.
Круги, Али-Бала!
Накручивай...
Влетаем в повороты,
самых себя
дразни.

В автобусе —
рассказы
об авариях.
Хохочут Али;
«Берите пример
с меня.

Если страшно,
я глаза
закрываю...
Дорога, как дорога,
В порядке вещей...»

Но если что —
не соберешь
крошечки.
Под нами — крыша дома
в двенадцать этажей.
И наш автобус
шпарит
по кромочке.
Али-Бала, не надо!
Али-Бала, чудак!
Навстречу нам «москвица»
метет пылью.
Сказки,
зачем мы лезем
на этот чердак?
Чего мы там,
Али-Бала,
забыли!
А он все улыбается.
А он вошел в раж.
А он
Баранку крутит
рисково.
«Чего, говоришь, забыли?

Забыли
видеть рай!
И я тебя покажу его.
Скороп!
Ты захнеш!
Ты заранее сердчишко умы, —
встречась
с удивительным Кавказом.
И в том клянусь
своими
десятью
детьми!
И одиннадцатым,
который уже
заказан...»
И снова мы взбираемся
на спину скалы.
И этой таек,
что можно
потрогать.
И черты по зною
Левый
загорелый
локоть.

первые я познакомился с тобой, «Гремящий». в годы войны, когда ты стала самой большой и самым многоцелевым — одним из первых надводных гвардейцев. Своим огнем, разогнавшим по всем флотам. И ты будешь стараться оправдать прозорливость любой нарукших тебе гордости и никогда не знал поражения в бою.

Два дня нашего знакомства за короткое время прошли шестьдесят тысяч победных миль. И каждая миля, каждая минута, каждое мгновение были в окрестенных склонах с врагом. Шестьдесят три каралана — смыте тысячи судов противника, проложенные трасами полярных морей. Сто двадцать атак вражеских самолетов разбились о твой огневой щит.

Четырнадцать самолетов и один подбитый винтом «прописанный» к ракам. Двадцать три самолета и несколько подбитых повреждены. Не раз ты бывала в флангах вражеских рейдеров, громила врага на берегу. Но не только боевые дни были в твоей боевой экипаже. Сильнейшая штурмовая команда, лучшая боевая подготовленность — этим тоже гордились твои моряки...

Многое предшествует тебе. Эсминец «Гремящий» давно перевоплотился в тракторы и турбины. Но живой дух слышишь. Гвардейский флаг передан экипажу ракетного корабля. И вновь с гордостью удивляешься с тобой, «Гремящий». Не только сравнивая. Несомненно мощный и совершен-

нее стала корабельная техника. Вместо пушек — ракетные установки, электротехника, автоматика, телемеханика. Жестче стали и боевые нормативы: время мерится в секундах. И это — настоящая честь ювелирной! Современный морской бой молниеносен.

Напряженно работают ракетчики: к пуску готовится реактивный снаряд. Дважды взрывается вспышка — команды. На пульте управления стрельбой щелкают переключатели, замигаивают и гаснут разноцветные лампочки, светящиеся табло.

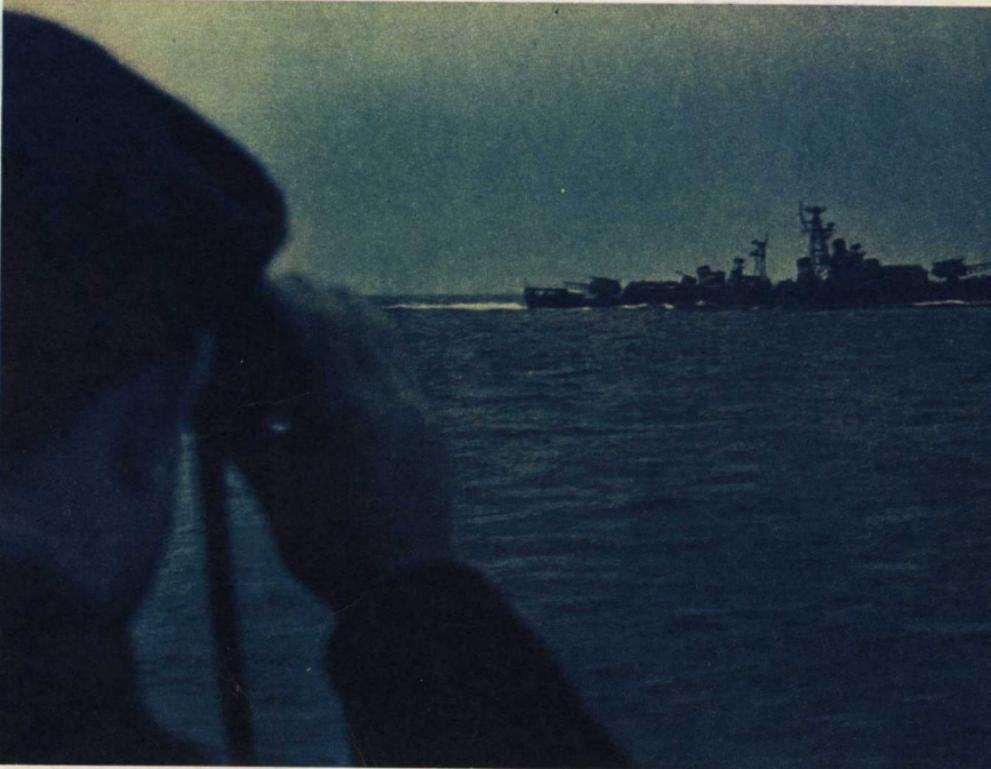
Самолеты вспыхнули вспышками: тысячи кратких выстрелов отневая мось «Гремящего». Один такой снаряд может уничтожить любую базу противника. Попадись «Гремящему», как в былые времена...

В. МИЛАНОВ,

инженер-капитан 2-го ранга
Фото автора

САМОЕ СИЛЬНОЕ СОСТАВЛЕНИЕ

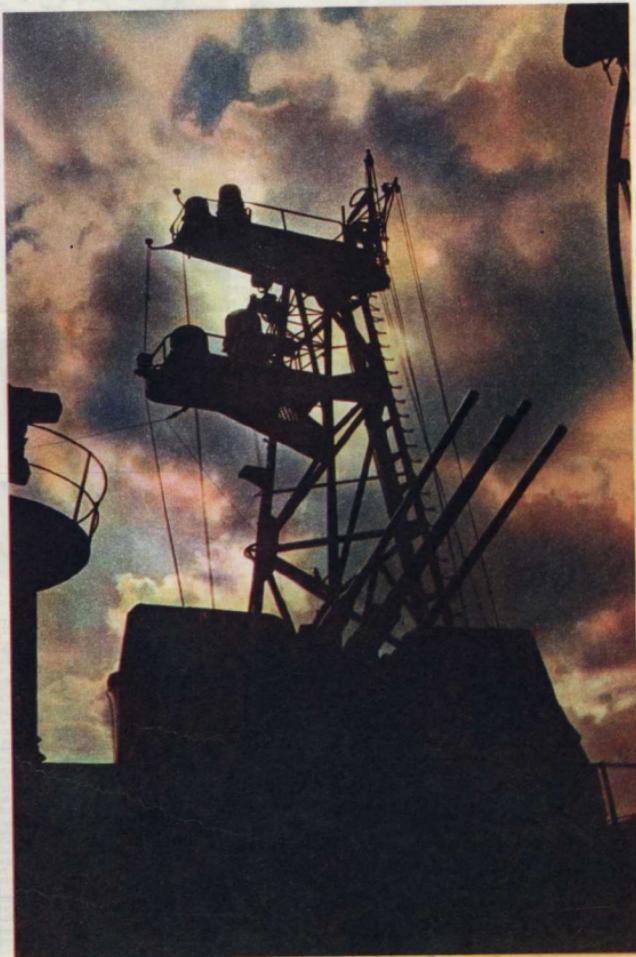

«Гремящему» вручается гвардейское знамя. Гвардейскую клавицу чистят капитан-лейтенант Б. Николаев (снимок 1943 года).

Таким был «Гремящий» (фото Н. Вершичука).

Никто не прорвёт огневую завесу.

Один из современных ракетных кораблей в походе.

чил электротехнический институт и днепропетровское хоромейстерское отделение народного университета.

В оркестре люди — стубго технических специальностей: оператор и радиометрист, инженер по радиотехнике, инженер по радиотехнике. Так разрешилась здесь «проблема физиков и лириков».

Есть в экипаже и любители уединения. Вот от ходов моряков — подальше от мирской суматохи — склоняется к изысканиям два матроса. Один учится на физика, другой — на инженера-педагога. Третий раз летят над зеркалом воды.

Утром и вечером, в свободное от боевой учебы время, упорно тренируется на водной аренде — в частности, на вывернутом механизме работают веслами матросы. Иной раз кажется, что машина летает над зеркалом воды.

Мне довелось ее видеть на состязаниях Девятого Военно-Морского Флота. В схватке борьбы команда «Гремящего» вырвала победу у двух десантных кораблей и плавучих баз. Командующий флотом поздравил греков с победой в роли их командира традиционных размеров пирогов. А последней шлюпкой досталась команделе личникам, исполненным огнем.

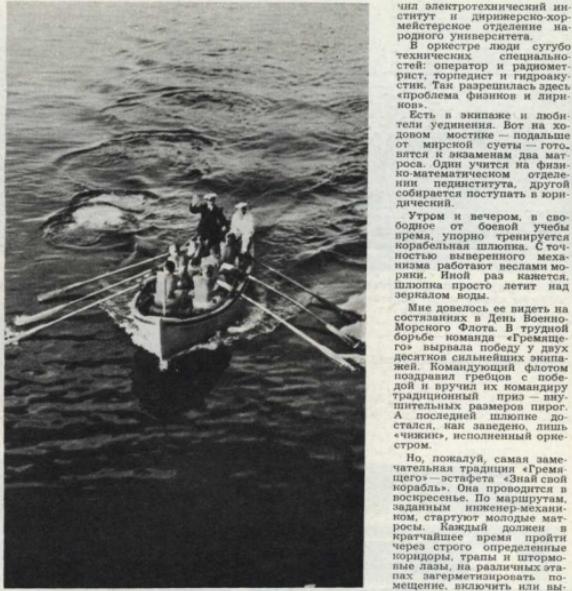
Но покажу сама эпическая эпопея команды «Гремящего» — эстафета «Синий корабль». Она проводится в восемь этапов. По маршрутам, заданным инженером-матросом, стартуют молодые матросы. Каждый из них доложит в кратчайшее время, пройдя через строго определенные коридоры, трапы и штурмовые ворота, в каких коридорах затерметизировано помещение, включить или вы-

Бережет как честь фирмы.

Чемпионы флота тренируются.

Турбинист внимательно прослушивает работу машин.

Любитель уединения.

мена, фашистский эсминец, не ускользнула резервуар за сменой заносов ракетонесущего спускается на землю с дальних дистанций и не зависито от погоды.

На верхней палубе ожесточенный бой. В защитной одежде моряки работают ракетами. Скоростные ракеты отывают воздушный удар из воздуха. Несколько раз моряки содрогаются здесь. Ни один атакующий объект не прошел с отметкой за поле и снаряда падают. Словами два артиллериста «Гремящего» знают, что такое бой. Их снаряды были уничтожены два вражеских бомбардировщика боя. Их имена — Ноша — тогда величники «Гремящего», «Сокрушителя».

На верхней палубе ожесточенный бой. В защитной одежде моряки работают ракетами. Скоростные ракеты отывают воздушный удар из воздуха. Несколько раз моряки содрогаются здесь. Ни один атакующий объект не прошел с отметкой за поле и снаряда падают. Словами два артиллериста «Гремящего» знают, что такое бой. Их снаряды были уничтожены два вражеских бомбардировщика боя. Их имена — Ноша — тогда величники «Гремящего», «Сокрушителя».

«Гремящего» и «Кубышева» сбили пять фашистских самолетов.

Поступает новая команда: «Произнесите дезантинцию!». У пушки суетятся фигуры. Установка на палубе из космоса. Специальными средствами они тщательно очищают заряженную головку.

Жизнь корабля вошла в широкую колею. За столами, перед экранами, в кабине работают ложками турбинисты и электрики, радисты и акустик. Быстро и аккуратно отсутствием аппетита. Да и обед приготовлен на славу. Каждый корабль — фирма. Французские рабочие из фабрики моряков в Москве со-зывались

Сегодня на базе не смолкнет музыка. Выступает эстрадный оркестр — гордость корабельного. Шумные куплеты, яркие краски, яркие взрывы смеха. Из смешет добро матросской славы. Моряки — это редкая звезда. Аудитория — редкая звезда. Две звезды — это звезды «Ча-ча-ча».

Румыния — оркестром приветственный звонкий гимн. И матрос Корогодин. До прихода на флот он окон-

чил в темноте механизмы, завязать морскойузел, собрать или разобрать аппаратуру.

Вдоль майдруты рассставлены контролеры — старшины. Они не только проверяют исправность действий моряков, но и обеспечивают безопасность. На финишной линии впереди находятся эпопеи победителей вручаяют кружку компота и пару пончиков.

А иногда по трансляции объявляют: «Матрос П. старший по званию получал награду на финишной линии, синий парашют». Значит, незадачливый путешественник забыл в корабельном ящике парашют. Над ним будут подшучивать до тех пор, пока он сам не доказает, что досконально научил свой крабиль.

Вот и пришло время нам рассставаться с тобой, «Гремящим». Сегодня штурмом, другие корабли придется сражаться в гаванях. Другие, но не мы. Ведь как поется в песне о тебе:

Пусть море нас штурмом встречает. «Гремящий» не сбывает свой ход.

БАЛЛАДА О КРОВОЖАДНЫХ ЛЬВАХ

Майя Борисова

Львы съели укротителя. Сожрали.
Во вторник, девятнадцатого марта,
В присутствии трехтысячной толпы
И одного министра обороны,
Сияющего пышно в лучшей ложе.
Львы съели укротителя. Вернее,
Не то чтобы съели — просто откусили
Ему башку или другую часть,
Не менее полезную для жизни.
И бедный укротитель тут же умер,
Но приходя в сознание.

Причём, если
Ему открыли живоину башни,
Любые разговоры о сознании —
Идеализм и просто непристойность.
Львы съели укротителя.

Во время
Всей этой неоправданной суматохи
Творился ряд весьма активных
действий:

Пожарники хлестали из брандспойтов,
Полиция хватала невиновных,
Визжали дамы,

трое проходивших
Слонились по рядам и собирали
В дымистые, испасленные шланги
Вдове на крест.

На малолитровых сиротках
На шерстяные теплые чулочки.
Потом все рассосались по домам.
Львов заперли в брачующие клетки.
Настала ночь.

И мальчики-подметала, Летучий сор гонялся в коридорах,
Услышал, как во тьме страдали
звери,
Они ходили меж блестящих прутьев
На подгибывающихся матых лапах,
И горестно вздыхали и молились
Звериному беспомощному богу,
И говорили так:

— Мы виноваты.
Тяжелая вина нам сущит пасты
И насыпает злой песок под веки,
Но иначе мы просто не могли!
О, если бы он к нам входил

с хлыстом
И десятназарядным револьвером!
Тогда бы скла усыпляла силу,
Тогда бы зверство

зверством укрошалось,

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

и

Александр БОРИН

СЧАСТЛИВЫЙ ЛОБОВ

РАССКАЗ

1

Сергей Лобов познакомился с Ниной Бордовой во время студенческой практики в Турианке три года тому назад. Он стоял в длинной стололовской очереди за шанежками, подолла девушка и попросила пропустить ее вперед: «До меня три хвоста, не хватит шанежек». Сергей взял ее поднос, и она представилась: «Плановик Нина Бордова».

Вечером они пошли во Дворец металлурга на торжество по случаю окончания строительства второй очереди Турианского комбината. Дворец был изнутри весь из мрамора, лестница — точь-в-точь как в Советском зале ленинградского Эрмитажа. Во Дворце металлурга собралось полно народу, мужчины принесли женам в авоськах лодочки на шинельках, публика была здесь наряднее, чем в Марининском театре.

О второй очереди комбинат говорил с трибуны главный инженер Алексей Алексеевич Гамузов. Он сказал, что дополнительно выпущенного комбинатом металла хватит теперь, чтобы земной шар по экватору копейки не терял.

Справа от Лобова сидела Нина Бордова, а слева — главных Ефимушкин. Он вместе со всеми похлопал Гамузову, но сказал Лобову, что если бы вовремя подсчитали запасы Гукчедонской руды, то вторую очередь комбината, наверное, не стали бы строить: руду придется возить из-за Урала, и тонна турианского проката будет теперь на 12 рублей 42 копейки дороже магнитогорского. Алексей Алексеевич сперва пробил в Госплане строительство второй очереди, а потом уж подсчитал запасы гукчедонской руды.

Потом они пошли в буфет, и главных Ефимушкин выпил водки. За соседним столиком с гостем из совнархоза ужинал Гамузов.

— Желанным пузырем не страдаешь? — жуя, спросил Гамузов Ефимушкина.

Ефимушкин засмеялся.

— Он приехал строить комбинат в тридцать восемьмом, — сказал Гамузов гостю из совнархоза. — Жил во второй зоне, бараки стояли на болоте. Паркет, небось, всегда боялся, Ефимушкин?

— Маленький паркет, Ефимушкин.

— Мы там нальче пруд вырыли, — сказал гость из совнархоза Гамузов. — Пионерам лебедей напустили.

Ефимушкин опять засмеялся.

— Смеялся и пой, комсомольское племя, — сказал Гамузов. — Лебедям хоть радуешься?

Рисунок Г. БАСЫРОВА

— Лебедей не завезли, — сказал Ефимушкин. — Утки плавают.

— Уткам радуйся, — сказала Гамузов. — А?

Ефимушкин засмеялся.

— Он радуется, — улыбнулся Ефимушкин гость из совиархоза.

— А как же! — сказал Гамузов. — Должен радоваться! Днем и ночью, днем и ночью... Песни такую знаешь? Он за лебедей должен на своих костистых днем и ночью на пыль считать, а?

— Утки только, — повторил Ефимушкин. — Не завезли лебедей.

— Быдай! — сказал Гамузов. — Он у нас не любит прибыль считать. Одни черные костишки на его счетах.

— Найдется, наверное, и святые, — улыбнулся Ефимушкин гость из совиархоза.

— Нет, — жуя, сказал Гамузов. — Не найдется. Оригинальные такие счеты. Сметы, понимаешь? Сводят он их с кем-то, и пойму только к ком. С ком или с государством?

Ефимушкин засмеялся.

— Быдай! — продолжал Гамузов. — Комсомольцы, беспокойные сердца... Быдай ему в пруд не запустили. А струаси тебе, Ефимушкин, не нужны?

Ефимушкин засмеялся.

— Быдай! Требуй, Ефимушкин, требуй, милый, раз мы браки твои с болотами спаси, можешь ты от нас и лебедей со струасами потребовать, а?

Ефимушкин засмеялся.

— Ну что, — насмешливо спросил Гамузов. — Жизни не любят. Человек, кто знаешь как звучит? Это гордо звучит, Ефимушкин. А ты разве знаешь гордо? Не звучишь ты, Ефимушкин, не желаешь ты гордо звучать, не нужно тебе счастье, как птице крылья для полета. Черные kostи тебе нужны.

Гамузов положил свою вилку, встал, гость из совиархоза тоже поднялся, сказал Ефимушкину: «До свидания, товарищ!» — и они ушли.

Лобов с Ниной вышли на Дворец металлургов. Выели еще не поздно.

— Не напрокось ли мне к тебе в гости? — спросил Лобов.

— Напрокось, — сказала Нина.

Она шла по Народной улице, и Нина рассказывала ему о себе: она тоже из Ленинграда, ее отец погиб в учительском ополчении под Лиисым Носом, а мать умерла здесь, в эвакуации.

Они сидели у нее и пили чай с клюквой. Он поцеловал ее, и она не отстриглась. Он поцеловал ее еще раз.

— Ты серьезный, — засмеялась она. — Тебе всегда будут нужны старые женщины.

Он опять поцеловал ее.

— На завтра у меня одно пишено, — сказала Бодрова. — Переживешь?

А почему он не мог уснуть. От подушки сильно пахло хозяйственным мылом, и ходили над диваном стучали необыкновенно часто. Бодрова спросила его про пальмовый газированый вод на Морской улице в Ленинграде, почти под самой аркой Генерального штаба, в детстве отец пил ее газированной водой со сливовым сиропом.

— Сейчас там книжный магазин, — сказал Лобов.

— Интересно, — сказала Бодрова.

Он думал, что она немножко еще послушает ходики и успен, но она не спала, и он спросил ее, почему все-таки пускают вторую очередь комбината, если в Гукчеводском месторождении мало руды и тонна проката в Турианске будет на 12 рублей 42 копейки дороже, чем в Магнитогорске.

— Ефимушкин ты, — сказала Бодрова и засмеялась.

Он тоже засмеялся.

— Девичником, наверное, с тобой боязно, — сказала Бодрова, — ты страшно уроден.

— Мне с ними тоже боязно, — сказал Лобов, и Бодрова опять засмеялась.

— Ты сухарь? — спросила Бодрова.

— Нет, — сказал он, — я не сухарь.

Лобов поцеловал ее еще раз, но она спросила:

— Отчего ты такой склонен к сухарям?

— И не склонен, — сказал Лобов.

Сладко, — сказала она. — Ты дурак. Когда пустят вторую очередь комбината, в твои заведут конченую колбасу и старикам дадут ордена. У людей будет праздник. Главный инженер Гамузов куда человеческое тело.

— А Ефимушкин сигнализировал про руду? — спросил Лобов.

— До сих пор сигнализировал, — сказала Нина.

Он не спала, и он не спал, ходики стучали, как сумасшедшие.

— Ты спишь? — спросил он.

— Слю... — сказала Бодрова.

— Слю... — попросил он.

Утром они позавтракали пишком. Ходики показывали шесть часов сорок пять минут уральского времени, в Ленинграде было на два часа меньше.

2

После института Лобов поступил в конструкторское бюро завода имени Фрунзе и начал конструировать новую формуку. Одна из центральных газет написала, что страна давно ждет математическую формуку, конструкторы же не находили для нее подходящие обличники-литейщиками. Ни Комитет по научной пропаганде, ни институт «Гипролите» не предполагали бросить погасить этот неинтересный долг, и потому инициатива заслуженного КБ и молодого специалиста товарища Лобова была правильно понята и целиком поддержана.

Два года Лобов на людях и не на людях посменчивались над своей формовкой, как умные родители не нахваливали, а посмеивались над своими удачными детьми. Лобову очень хотелось сидеть на заводе до ночи, и он уходил в пять, по воскресеньям не перебрал кальки, а ходил на лыжах в Сестрорецк или в Парголово, он спал себе модный костюм в ателье индивидуально «Люкс» на Звенигородской, каждый день спо-

койно обедал и ужинал, не жертвовал собой ради формовки, как умные родители не жертвуют собой ради любимых детей, чтобы потом не побороться от них сторицей. А через год, хотя институт «Гипролите» — шефствующий институт КБ, и одобрил колычевую формуку «Сергей Лобов», сам Сергей Лобов понял, что создал он не шефствование отечественной техники, а рабочий дитя.

Синхронизировать строительство новой линии приехал из Москвы в Ленинград бывший главный инженер Турианского комбината, а ныне главный специалист Комитета по черной металлургии Алексей Алексеевич Гамузов.

Он сразу же одобрил проект лобовской формовки, и тогда Сергей окончательно убедился, что работал он недоделан. Сергей решил поговорить с Гамузовым начистоту, поймал его в коридоре и сказал: «Алексей Алексеевич, я хочу поделиться с вами своими сомнениями».

— Не советую, — сказал Гамузов.

Лобов покраснел.

— Но, может быть, в моем проекте есть куча глупостей! — спросил Гамузов. — Глупости, Лобов, у тебя обязательно всплынут. У одних сразу всплывают, у других через год, но это не reason чернить свой собственный труд, одобренный заводом институтом «Гипролите». Чернить свой собственный труд — это, Лобов, последнее дело. Видел, апостол вымысел! Грех мучит —бегай в церковь, а я на работе священников не тешу тебе отлечь.

Школьный приятель Сева Янчук сказал Лобову, какой он умный, и отец, академик Лобов, решил, что Сергею нужно повезло с назначением. Лобов согласился, что ему очень повезло, но после отъезда Гамузова Лобов постоянно хотелось перед мозгами оправдаться.

3

За две недели до пуска линии неожиданно позвонила из Турианска Нина Бодрова и сказала, что собирается в Ленинград. Ей бы приехать недели через три, когда кончится первая волна с линией, и она уже оформила себе отпуск.

— Привези, — сказал он.

Нина сильно изменилась: меньше говорила, не философствовала, —примечала Лобов, — и больше — не быве воротина, зато mesh на руках, и венки, маленькая шапочка — папаха на кутины. Ленинградцы на улицах одевались не так модно, и Бодрова казалась Лобову провинциальной.

После работы он приезжал к ней в «Октябрьскую» гостиницу, его уже звали дежурные на этаже и давали ключ от комнаты, если он позавался раньше, чем Бодрова. А это случалось нередко, будто насторожим дежурными были заняты в городе она, а и он на своем заводе имени Фрунзе.

В номере она его иногда спрашивала:

— Что у тебя на работе?

Лобов не рассказывал ей про предстоящий пуск линии, ему с кем не хотелось про линию разговаривать. Нина Лобов говорила:

— Ничего, пахнет.

Накануне пуска бригада осталась в ночную смену в цехе, а Лобов ушел, как всегда, в пять. Заранее он взял билеты на «Тень» к Аксинье. Когда он уходил, у нее вчера встретился главный механик Батюшков. И очень удивился, что Лобов уходит. Но Лобов сказал:

— Только разреши этой технике сесть себе на голову.

— Вы этого? — спросил Батюшков.

— Да-ай-ай! — сказал Лобов.

Был утром Бодрова или ее не было, он все равно не оставил бы на заводе пошел бы развлекаться, чтобы хоть на то противостоять панике, охватывающей его при мысли, что очередное дело может не сработать.

На сцене жил добрый розовый человек, ему струда колки его заставляла Тени, и Лобов подумал, что лично ему вроде бы никто никогда не завидовал и не строил козней. Наоборот, ему чаще присыпывали, как Гамузов, лишили добродетели.

Бодрова с интересом смотрела спектакль, но сочувствовала она не благородному герою, а ему умной, порочной и лени Тени.

— Так на месте намотаешься за целый день! — сказала Бодрова о Тени.

А Лобов думал о чистой линии. Очень глупо было надеть модный костюм и сидеть в театре и все равно думать о пусковой линии.

И утром линии монтировали и пробовали узко много раз, узлы действовали, и завтра линии не должны подвести, для случайностей нет причин, оставаться ночью в цехе, когда все уже учен и расписано, — суетение, нервы, распущенность, дурацкий энтузиазм, которым люди чаще всего латают прорехи в своей работе. Каждому своему. Когда Лобов проектировал и рассчитывал линию, Батюшков мог идти в театр, теперь занят Батюшковым и развлекается Лобов.

Второе действие окончилось в десять двацать. Они еще минута десять постояли в очереди в гардероб, на театра вышли в половине одиннадцати. В дверях возле «Еписсея» тоже был телефон-автомат, но они прошли мимо. К «Октябрьской» двинулись пешком. Переулок Фрунзе. В конце-то концов Лобов мог айрором дозвониться до театра Фрунзе. В конце-то концов Лобов же никогда прежде не мог понять, как это телефонный боярь из театра Фрунзе.

Спектакль окончился в десять двацать. Они еще минута десять постояли в очереди в гардероб, на театра вышли в половине одиннадцати. В дверях возле «Еписсея» тоже был телефон-автомат, но они прошли мимо. К «Октябрьской» двинулись пешком. Переулок Фрунзе. В конце-то концов Лобов мог айрором дозвониться до театра Фрунзе. В конце-то концов Лобов же никогда прежде не мог понять, как это телефонный боярь из театра Фрунзе.

Они прошли мимо остановки.

— Рэмбрандт в Эрмитаже я всегда позабыла, — сказала Бодрова, — а канюю-то глупую картину, где корова мочится, вот запомнила.

Смена 9

Они пересекли Лиговку. Отсюда до завода Фрунзе можно было добраться шестьдесят пятью автобусом с пересадкой у Лавры. Они пошли дальше.

Дежурная в «Октябрьской» дала Лобову ключ и улыбнулась.

— Добрые тут работают женщины, — сказал он.

— Наверное, одиночка, — сказала Бодрова.

Они сидели в номере дежурной. Телефон на письменном столе (город напечатан через восемьмươi без второго гудка) был Лобова по первым. Он звонил из «Октябрьской», совсем поздно, метра узакрывалось, дверь до дома на таком месте не могла и на столике в прихожей записки о том, что звонили с завода. Записки не было. У него в комнате на подушке тоже не было никакой записи.

Утром Лобов надел костюм, белую рубашку с галстуком и приехал на завод ровно в восемь тридцать, ни минутой раньше.

Пук линии прошел очень хорошо. Батошкин отлично смонтировал обе карусели, электрики просто вылизали все контакты на щите.

До двух Лобов был занят на заводе, что-то подписывал, в два он

освободился и поехал в «Октябрьскую».

Бодровой не было, на этаже дежурная незнакомая женщина, и он не стал просить у нее ключ от комнаты.

Он вышел на Невский, пошел просто так, без мысли дела. Надал снежок пахло буточками. Кони на Аничковом мосту по-прежнему вырывались из рук гоных наездников. Чугунная царница Екатерина сидела на перекладине. Кутузов разглядывал Дом книги. Может, все это передавало чистое достоинство, честность, честолюбие, на заводе имени Фрунзе Лобов писал сегодня вполне прекрасную формовку. Он свернулся на Герцена. Дошел до Исаакия. И вдруг увидел здесь Бодрову.

— Ты откуда здесь? — почему-то удивилась Бодрова.

— Пустили линейную линию, — сказал он, — и я ушел.

— Сегодня пустили?

— Сегодня. Я проектировал формовку.

— Что же ты молчал? — сказала она.

Они пошли на скверик, сели на скамейку, он хотел перчаткой смыть со скамейки снег, но она сказала: «Черт с ним!»

— Значит, твою формовку? — спросила она.

— Моя формовка, — сказал он.

— Ты подумай! — Она ульбась ему и была растерянна. — И ты мне не сказала, что сегодня пускают?

— Но о чём было говорить?

Из-за снега не видно. Когда пускают линию, конструкторы несут на транспортерах. Чёрт, я, не знаю?

— Ночевала без меня, — сказала Лобов.

И вдруг она ни с того ни сего закапала.

Она плакала громко, некрасиво, но быстро, ульбась, и плакала, и наильной стороной шерстяной варежки терла скамью.

— Нина! — сказал Лобов.

— Бониська выглядеть добром... — плача, сказала Бодрова. — Эх, ты!

Стадиончики, Серафимка, человеком выглядеть. А сам из меня на пуск не пошел.

Он удивился: почему из-за неё? Потом сообразил: она решила, что ради нее он не пошел ночью на завод пускать линию, не пошел, чтобы вместе посмотреть «Теня» в театре Акимовна. Какая глупость!

Ему сразу стало тошнико, как всегда, когда люди про него врало, что-то говорили, чего на самом деле вовсе не было.

Лобов сжался.

— И не из-за тебя вовсе. Я пошел в театр, чтобы напрасно не паниковать перед пуском.

Он сказал и поклялся о том, что это сказала.

Бодрова перестала плакать и засмеялась.

— «Дурак!» — сказал он себе. Ну и думала бы Бодрова, что ради нее он не остался вчера на заводе.

Она смотрела на лобов, выбравшихся на Исаакий.

— Хочешь, заберемся? — спросил он.

— Нет, — сказал Лобов.

— «Дурак!» — сказал себе Лобов. — Кому нужна такая правдивость?

Через два дня Бодрова уехала в Туранск.

4

На дне рождения у Севы Янчука Лобов впервые в жизни напился пьяным.

Леночка подкладывала Лобову семгу. Сева подливал ему дрининой копыток дагестанского розлива, но Лобову он казался отличным коньком, и Леночка ему казалась родным человеком.

— Ребята, — сказал он. — Мне тоски.

— Бодрова уехала? — хитро спросил Сева, и Леночка прыснула, будто Сева сказал вслух что-то интересное, но неприличное.

— Не в Бордовом деле, — сказал Лобов. — Ребята, я бездарность.

— И давно? — спросил Сева.

— Всю жизнь, — сказал Лобов.

— Сережка, — сказал Сева, — по-моему, ты от жира бессирился.

— Вы нас светили, — сказала Леночка. — До семидесяти лет вас

будут ходить, монстры.

Лучше б после семидесяти, — сказал Лобов.

— Чего тебе надо? — спросил Сева.

Лобов поклонил плечами.

— Сам-то ты знаешь, чего тебе надо?

— Знаю, — сказал Лобов, хотя он и правда не знал, чего ему надо.

Вчера ему надо было, чтобы пошла его формовка, а сегодня — чтобы этот формовки было воне и оно могло начинать все сначала.

— У тебя мерзкий характер, — сказал Сева. — Ты всегда от жира бессирился. Хочешь, я тебе о своих невзгодах поплачу?

— Сережка, — сказала Леночка, — давайте выпьем на брудершафт.

— Я тебе выпью с ним! — сказал Сева. — Если я стану плакаться, ему мелким бессом дрожать надо. Ты окончила институт — и сразу в инженеры. Так? А я слесарил и по вечерам зубрил дифференциалы. У те-

бя в папиной академической квартире комната в полноценные шестнадцать метров. А я у соседей отказалась в коммунальной кухне второй стоял, чтобы было где чиртить. Ты сейчас ведущий инженер, два курса в месяц, а я в 222-й, бывшей Петрушке, уроками труда выкалачивала дополнительную тридцатку к своим ста десяти, чтобы Ленке купить ажурные чулки в кавалерийские сапоги. И ничего, не плачусь.

— Сева! — сказала Леночка.

— Думешки, мне должно быть легче оттого, что тебе тридцатку не хватает? — спросил Лобов. — Так, к сожалению, неывается.

Лобов сам налил себе дагестанского коньяка, сам выпил и подумал, что, если бы Сева Янчук построил вместо литеиной линии паровоз Степана, он тоже бы, наверное, тосковал и толкался в директорию с выставками, а тот говорил бы ему: «Не будзданый фантазия хорошо слушается, а не будзданый фантазия плох». Степан Янчук тоже было бы тошно, даже имел он и без уроков труда лишился тридцатки. Леночке на ажурные чулки. А может, Сева Янчук тошно не было бы?

— Даэвайте вас женим, Сережа, — сказала Леночка. И храбро спросила:

— На Бордовоз?

— Разве он жизни видит? — сказала Сева. — Ты же как заключенный существуешь. Как иеноморальный аспект. Ты из себя все соки высыпаешь. Ну ладно, если и правда, жри себя. Но итихомолку! А то приходишь и плачешься на лидах. Противно глядеть.

— Вы не слыхали, ей, Сережка, — сказала Леночка. — Вы светило, от онам замутил черный зависти.

— Это я ему завидую, — сказал Лобов.

— Помоги, там погибнуть, — предложила Леночка.

Ему казалось, что он гребенка был пьян, его вдруг рассмешило, что он пьян. Наклонившись к Леночке, Лобов вдруг сказал, что недавно он ни за что ни про что обидел однокурсницу женщину.

— Бордовоз? — спросила Леночка.

— Бордовоз, — сказал он.

— Ну и бог с тобой, не гераизтайтесь, — сказала Леночка, и он ей поверили.

А потом в коммунальной кухне они пили на брудершафт. Вошел Сева Янчук, но не рассердился, а засмеялся и крикнул Лобову:

— Вот-вот, я из тебя человека сделала!

5

Через год, в марте, позвонил замдиректора института «Гипролит», и сказала Лобову, что ему придется съездить в Туранск: так, обнаружили новый кудыкин, некто градзянин Бубенцов, через день бомбардирует Москву жалобами, и институт обязан послать в Туранск консультанта. Крест нести придется Лобову. Алексей Алексеевич Гамузов рекомендовал отправить в Туранск его. Путь, говорит, съездит Лобов в Туранск и утихомирит этого Бубенцова.

— А что от хочет? — спросил Лобов.

— Прессовать формовочную землю.

— Хитрый, — засмеялся Лобов.

Лобов тоже сперва хотел прессовать формовочную землю, хотя теоретики и утверждают, что ее можно только встраивать, иначе в отливках получат раковины. Лобов попробовал было послушаться теоретиков, но устроил действительно оказалось раковины.

Как бы мы устроим? — спросил Лобов. — Посоветуйте.

— Никак, — сказала замдиректора. — Я вам честно говорю, Сергей Максимович. Гамузов рекомендовал и правде.

И в понедельник Лобов выехал в Туранск.

В Туранск он приехал очень рано. Кого-то ждали три МАЗа с прицепами, и в стороне стояли пустые, без водителей, такси.

Лобов потоптался возле пустых такси, подошел к МАЗу, шофер в кабине опустил стекло, но, узнав, куда ехать, отказался:

— На вагонку калико.

У остановки трамвай толпились люди, но трамвай в такую рань еще не ходил. Лобов залез в переднее и стал ждать. Минуты через две появился водитель в кожаном пальто и мерлушковой ушанке. Он заглянул в машину и, стесняясь, спросил:

— Вы не товарищи? — спросил Лобов.

— Да! — удивился Лобов.

— А я товарищ... — сказала человек в ушанке. — Думаю, раз в такси сели, значит, мы.

— Встречали в такую рань? — сказал Лобов.

— А поздно я не сплю, — сказал Бубенцов. — У меня иниш, слыхали? Удобная болезнь, все время держит в мобилизационном состоянии. Они милиция посыпали. Бубенцов сказал:

— А мы и не догадывались, Бубенцов сказал, что как раз вы приедете. И вдруг телеграмма: «Встречайте товарища Лобова».

— Я и не догадывалась, — сказала Бубенцов. — Это хорошо. А мы и не догадывались. Ждали не с завода Фрунзе, а из «Гипролит».

— Послал меня, — сказала Лобов.

— Ну да, конечно, — согласился Бубенцов.

— А где же водитель? — спросил Лобов.

— Преслес в буфете, — сказала Бубенцов.

— Не боссами в рулем? — спросил Лобов.

— А чего болтать? — сказала Бубенцов. — В своем, небось, отечестве. Они помолчали.

— Вы ком работаете? — спросил Лобов.

— Сейчас я старший подметало..., — сказал Бубенцов.

— Какой подметало? — не понял Лобов.

— Техинформация, — сказала Бубенцов. — Может, и мы позавтракаем? — спросил он. — Имеется полный обоз по туранскому снабжению.

Онlionнул свою корману.

— Спасибо, — сказал Лобов. — Я так рано не ем.

— Есть чем запить, — сказала Бубенцов.

— Спасибо, спасибо, — сказал Лобов. — Я не пью. У меня печень.

— Значит, не было моего научного предвидения, — засмеялся Бубенцов.

— Чего не было? — не понял Лобов.

— Ночью я встал, поబодал супом, чтобы не окосеть, когда позавтракаю с москвичом, — сказал Бубенцов.

— Извините, — сказал Лобов. — Но мне совсем нельзя пить.

— Один я тоже не буду, — сказал Бубенцов.

Пришел шофер, он был в кожаном пальто и ушанке, как на Бубенцове, только поконев. Он молча уселился за руль, с силой хлопнул дверьми, споделав затарахтел стартером.

— На вагонку в гостииницу на всех парусах с бубенцами, — сказал Бубенцов.

Они ехали, Лобов глядел в окно на Туранск и не узнавал его.

— А мы и не догадывались, что как раз вы приедете, — сказал Бубенцов. — Ждали на «Гипролите».

— Ну, ничего.

— Ничего, — сказал Лобов.

— Все у нас будет, как у привличных людей, — сказал Бубенцов.

— Конечно, — сказал Лобов.

— С прошлого Первомая я женат на вашей знакомой Нине Бодровой, — сказал Бубенцов.

— Но это ничего.

6

В вагоне Лобов надеялся, что в номере он сразу же завалится спать, но он не успел, валился в брюках на бахромчатом гостииничном покрывале и слушал передачи местного радио.

Он соображал, не уехать ли ему сегодня же вечером.

В коридоре раздались шаги, и Лобово приподнялся на локте: он отчего-то ждал, что сейчас войдет Бодрова, улыбнется ему и скажет: «Ну, как же! Поздравляй меня, завела семью. Не пинченный, конечно, батон. Но ты ведь знаешь, я не привередлив». Рада хоть, что тебе развезла».

Шаги простояли мимо, он опять лег.

Бодрова сидят на стул и спросит: «Мой Бубенцов чешууху, изверное, городит?

— Понимаешь, — скажет Лобов. — Это было бы отлично, если бы

формовка поддавалась прессованию. Но видишь ли...»

— Дурит он, понятно, — скажет Бодрова. — Но лично ты должен Бубенцову благодарить. Он тебя от меня освободил».

— Я вам жаль, — скажет Лобов.

— «Ох ты, добрый какой!» — засмеется Бодрова.

...Лобов встал, чтобы спуститься в столовую, но раздумал и опять растянулся на покрывало.

— Эх, — сказал Бубенцов, — Бубенкова ты загорбон по существу, а не на личной почве? — спросит Бодрова. «По существу», — скажет он.

— «Иское дело», — засмеется Бодрова. — Разве ты бы мог на личной почве? У тебя ее и в помине никогда не было, личной почвы. Тебя одни железки задевают».

— А если и так? — спросит Лобов.

— «Нет», — скажет Бодрова. — Ты не в чем не виноват. Не был и не будешь. Ты человек правильный, влюблен только в свое первородное производство».

— Да, — скажет Лобов. — Я влюблена только в свое первородное производство.

— «Черт его знает», — скажет Бодрова. — Я уж и не помню».

— «А я помню», — скажет Лобов. — Себестоимость тонны туранского проката была на 12 рублей 42 копейки выше, чем проката магнитогорского».

— Вот сухари! — удивится Бодрова.

— «Я не сухарь», — скажет Лобов.

— «Нет, сухарь, — заупрямится Бодрова. — Еще какой сухарь! Вроде пашенного бухарта Ефимушкина».

Лобов посмотрел на часы. Через двадцать минут они договорились встретиться с Бубенцовым возле бюро пропусков.

7

— Разве кто спорит? — сказал Лобов. — Счастье, если бы можно было прессовать землю. Но теоретики предупреждают, что тогда пойдут раковины.

— Если давление двенадцати килограммов на квадратный сантиметр, то раковин нет, — сказал Бубенцов.

— Погугли, — сказал Бубенцов. — Я им килограммичку перепроверял. Когда двенадцать на сантиметр, раковин нет.

Они стояли в чугуноглиняном цехе, в углу Бубенцов собрал себе кустарный пресс, рядом была насыпана куча сырой формовочной земли, на ней валилось детское ведерко с клубничкой на боку. Бубенцов им зачерпывал землю.

— Что значит пропроверял? — спросил Лобов. — Отливали чугун в прессованной форме?

— Отливали.

— И нет раковин?

— Нет.

— Но зерно.

— Так я же не мазурин, — глядя Лобову в глаза и улыбаясь ему, сказал Бубенцов.

— Помаленьку, — сказал Лобов.

Бубенцов загорбился, зачищнув детским ведерком землю, насыпал ее под плиту. Широкая плита, гудя, пошла вниз. Бубенцов, не отрываясь, глядел, как она давит землю. Он пустил плиту вверх, выткнул земляную форму, показал ее Лобову:

— Ватрушечка, а?

Отлитый в форму чугун долгостыл, они с Бубенцовыми ждали у печей, пока он остынет, и Бубенцов пообщал Лобова:

— Прыщишка не найдете.

Остывший чугун они отнесли в лабораторию, и раковин в отливке действительно не оказалось.

— Вам заактируйте? — спросила лаборантка.

— Нет, — сказал Лобов.

Они вернулись в цех, и Бубенцов опять накладывал землю детским ведерком с клубничкой. Он спросил у Лобова:

— Предположили, что у меня дети от первой семьи?

— И голову не пришло, — сказал Лобов.

— Нет, я бездетный, — сказал Бубенцов. — Ведерки у нас цех ширпотреба клиент.

Они опять ждали, пока остынет отливка, и понесли ее в лабораторию. Раковин не оказалось совсем.

Три дня они испытывали под пресс землю и носили оставшиеся отливки в лабораторию, но на четвертый день Бубенцов упаковал отливки в чемодан, и они с Бубенцами поехали в областной институт металловедения. Там сделали кристаллографическую экспертизу, и они подтвердили, что в бубенцовских отливках действительно нет раковин.

Возвращаясь, они с Бубенцами поехали на электричке. Бубенцов с трулом там пудровые чайники.

— Помочь вам? — спросил Лобов.

— Нет, — сказал Бубенцов. — Свой пошага не тянет.

Электричка была пуста, они одни сидели в вагоне.

— Я и раньше знал, что раковин нет, — сказал Бубенцов. — Только толку-то что?

— Не понимаю вас, — сказал Лобов.

— Не поверят мне, — сказал Бубенцов. — Я ведь человек со стороны.

— И мне не поверят, — спросил Лобов.

— Вам, изверне, поверят, — сказал Бубенцов, но подумал и изразил:

— А может, и вам не поверят. Если нам с вами поверят, так все новые линии надо законы перекраивать. Морока.

— Если надо, будем перекраивать, — сказал Лобов.

— Молодец, — сказал Бубенцов.

Он отвечал так, будто Лобов уже одобрил его прессовку, да и сам Лобов ему отвечал, будто уже одобрил ее и сию же минуту готов отказать от собственного различного содружества.

— Заиграя вечером я уеду, — сказал Лобов.

— Соскучился, верно, по дому? — спросил Бубенцов.

— Соскучился, — сказал Лобов.

— Ясное дело, — согласился Бубенцов.

Он вокруг ехала на такси. Машина остановилась у дома, в котором Лобов когда-то живел. Бубенцов поднял полу кожаного пальто и подлез было за кошельком, но Лобов его остановил, и Бубенцов не стал спорить. Он послушно спрятал кошельк и спросил:

— Может, зайдешь? А? Постыдим по-человечески?

— Спасибо, спасибо, — сказал Лобов. — Но уже двенадцатый час.

Бубенцов выпшел, и такси развернулось в сторону вагонки.

Лобов сидел в вагонке, смотрел в окно, и Бубенцов сидел в темноте, смотрел на него. Он сидел в темноте, потому что Бубенцов говорил с ним так, будто Лобов уже одобрил его прессовку, и он сам отвечал Бубенцову, словно действительно уже одобрил ее и заигра же готов похоронить свою собственную линию.

Утром Лобов написал письмо в Комитет по черной металлургии и «Гипролите» о преимуществах формовочного пресса Бубенцова, подписан сам и дал подписать Бубенцову.

8

Тем же утром Лобова вдруг срочно позвали в директорскую приемную. По прямому коммуникатору из Москвы его разыскивал Алексей Алексеевич Гамузов.

— Меня за Туранск не бралишь? — спросил в трубку Гамузов.

— Нет, — сказал Лобов. — Как ни странно, Бубенцов этот оказался прав. Вы знаете, прессовать землю, выходят, можно.

Гамузов в том конце провода засмеялся.

— Можно прессовать, — сказал Лобов. — Мы тут анализы сделали...

— Ах да! Бубенцов! — засмеялся Гамузов.

Он смолчал и спросил:

— Хочешь знать, ты зорка нас всех за ног?

— Мы ошибались, — сказал Лобов. — помните, я просил вас...

— Ах, ты, доченька, — сказал Гамузов. — мал-мал ошибку давал. Ты разберись-ка там в Туранске получше.

— Я разобралась, — сказал Лобов.

— Получше, говорю, разберись, — сказал Гамузов. — Бубенцов этот тебе сват, что ли?

— Нет, — сказал Лобов, — он мне не сват.

— Вот и хорошо, что не сват, — сказал Гамузов. — Значит, разберись по-умному.

Гамузов положил трубку.

— Кто в Москве погода? — поинтересовалась секретарша.

— Я не спросил, — сказал Лобов.

9

За три часа до отъезда к Лобову пришла Бодрова.

Лобов ее не ждал, он спрятал в раковине холодной водой носки и сорвалась, высоконут ли они на батарее до поезда.

Рука у него была в мыле, он не протянул ее Бодровой. Она, не смыкая пальто, села на кровать, но спохватилась и стала искать стул.

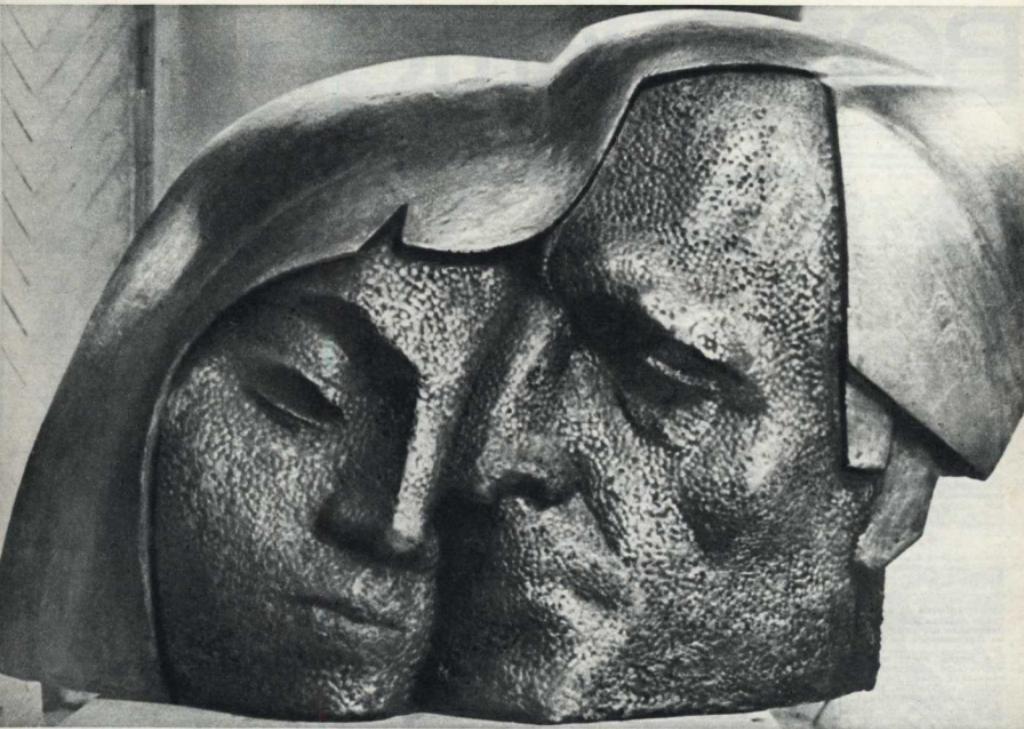
— Сиди, сиди, — сказал Лобов. — Я уезжаю, все равно сменят посты.

— Сегодня дешево? — спросила Бодрова.

— Согодин, — сказал Лобов.

— Что же в гости-то не зашел? — спросила Бодрова.

— Некогда все было, — сказал Лобов.

А И ЛИНИЯ

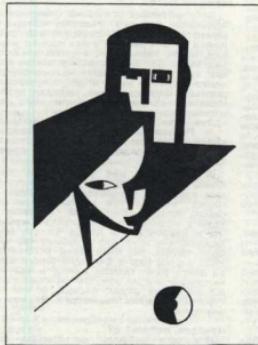
жение. Ваглину на «Влюбленных», конечно, не скажешь — традиционное искусство живет. Но это не бездушное троекачество модерниста, это жизнь, увиденная художником по-своему.

Художник занят, пробует. Его последнее увлечение — чеканка. Материал — медь и алюминий. Стальные линии и изогнутые листы. В Московском Доме композиторов можно увидеть мемориальную доску работы Саччина. Лицо солдата изображено на металлическом фоне.

— Чеканка — увлекла меня, — говорит Саччини, — я думал обрастился к теме завоевания космоса, чтобы решить ее этими новыми для меня средствами.

Взрыв эмоций всегда должен быть направляемым. Не горизонт не должна мешать, озаренности. Аксисома начальной геометрии о кривой линии — расстоянии между двумя точками, для Саччина — пагубна. Линия поиска в искусстве может быть любая и мера ее порога — любая. И если эта линия эта линия определилась. Она рельефна и угловата. И главное — поиски продолжаются...

Н. ТАРАСОВ

На снимках:
«ВЛЮБЛЕННЫЕ»

«ЯБЛОКО РАЗДОРА»

«САЙТ-НОВА»

Вряд ли есть необходимость представлять любителям спорта Пеле — «черную жемчужину» бразильского футбола.

К тому же многие помнят его великолепную игру в памятном матче бразильцев со сборной СССР летом этого года.

Предлагаем читателям «Смены» познакомиться с записками Пеле, опубликованными недавно в английской печати.

Записки публикуются с некоторыми сокращениями.

Я — ПЕЛЕ ИЗ БРАЗИЛИИ

Когда я был мальчишкой, моя мать называла меня за игру в футбол. Но это не помогало. Я был так увлечен футболом, что однажды украл земляные орешки, чтобы заплатить за бутсы и мяч. Теперь мой родитель владеет несколькими домами в Сан-Паулу. Этим дома купил для них я. У меня две квартиры и магазин, моторная лодка, на которой я плаваю вдоль солнечного побережья, мимо «Сантоса» — моего клуба. У меня три или четыре машины, а свой капитал я вложил в несколько предприятий, и это приносит мне гораздо больше денег, чем футбол. Я отклонил предложение итальянских клубов: «Интернационале» и «Овентус», предложавших бешеные гонорары.

У меня два имени: одно для футбола — Пеле. А другое — настоящее: Эдсон Аррентес до Насименто.

Перемены в моей жизни произошли так внезапно, что времена меняются и их. Мне же было двадцать четыре года.

Как это все случилось? Почему со мной? Я знаю, что меня называют лучшим футболистом мира, но ведь были и сейчас существуют игроки лучше меня.

Конечно, привиденные способности игрока имеют большое значение, но они ничто, если нет любви к футболу. И никакая тренировка не заменит эту любовь.

Я думаю, должно существовать правило для тренеров: чем лучше ваши игроки, тем меньше вы их поучаете. На протяжении всей моей карьеры я считал себя в долгу только перед одним тренером — первым. С тех пор я сам себя тренировал — непрерывно, постоянно играя. Этот метод не так уж плох. Все же я человек, забываюший 80 голов в год. Моги друзья говорят, что с 1957 года до конца 1964-го я забил 632 мяча и даже установил бразильский рекорд: 8 голов за один матч.

Наша страна изобилует пустырями и площадками, и повсюду вы видите группы парнишек, вертящихся в своем «футбольном разве».

Никогда не забуду день, когда я сформировал из соседских ребят первую настолько команда. Никогда не забуду, как я ее облачил. У нас был мяч, сделанный из старых носков. Никто не забыл о том, чтобы ограничить время игры. Она продолжалась до тех пор, пока наши матери не начали звать нас домой.

Мне было двадцать лет, когда я попал в руки старого бразильского тренера Вальдемара до Бритто. Он дисциплинировал мое пыльное увеличение, футболом. Он учил нас, как правильно дышать, как вести себя на поле. Под его руководством мы выиграли районный чемпионат три раза подряд. Я забил 40 голов за 15 игр.

Тем, как мы были молоды, он мог приучать нас и заставлять слушать. Не думай, что они могли добиться того же самого с более взрослыми игроками, но он был хорошим тренером для меня и, конечно, для других. Четвертое или пятеро моих сверстников также преуспели в профессиональных клубах Бразилии.

Теперь у меня другие отношения с тренерами. Винсенте Феола и Аймара Морейра, тренеры бразильской сборной, действительно понимают футбол. Их знания обширны. Но для игроков они скопеर дружи, консультанты, советники, обладающие способностью предвидеть. Они поддерживают независимость футболиста. Никто из них не называет свой вкус.

Это традиционное уважение к природным спо-

собностям и к свободе самовыражения футболовиста выделяет бразильских тренеров среди многих других. В этом нет ничего удивительного. Ведь для большинства бразильских юношей футбол — единственный проявление романтизма в повседневной жизни. Бразилия необычайно богата молодыми талантливыми футболистами. Сейчас в резерве «Сантоса» числится 30 юношей, достойных играть в высшей лиге. Но для них нет места.

Бразильский футбол не знает перерывов. Мы играем у себя или за границей в течение всего года. В среднем я играю 100 матчей в год. Эти матчи — лучшее средство сохранить свежесть игры. Слишком мало остается времени для утомительных и надрывных тренировок, которым увлекаются европейцы. Многие можно сказать в пользу правила: «Играй больше, тренируйся меньше». Ведь нет ничего лучше, чем играть в футбол, — одним, нападая, в час [мы окончим его], в любую зону дня и в любом месте, где мой тренер и я решаем, что это нужно. Я отношусь к тренировкам более серьезно, чем это может показаться. Ведь я должен забивать голы, этого я жду все.

Назову пять моих самых крупных достижений. Никогда не забуду нашу победу над клубом «Флуминенсе» три года тому назад. Телевизионный фильм об этом матче показывали каждый вечер в течение года. Мы выиграли со счетом 1:0, и мне дали золотой значок в память этого единственного гола. Газеты писали, что это был лучший гол в истории бразильского футбола. Наш вратарь кинул мне мяч около угла нашей штрафной площадки, я прошел через все поле, обвел восьмью человек и забил...

Второй памятный случай был во время игры с бразильским клубом «Овентус». Тогда обвел четырех игроков, включая вратаря, причем дважды мне удалось ударить мяч о землю так, что он перескочил через головы трех соперников. Играл с нами в тот день Жозе Франсиско. «Овентус» был следующей ударкой: мне удалось забить в况кте сразу с трех азиатических на очень тесном «клатчинге» около штрафной.

Два других случая относятся к более раннему периоду — играм на первенство мира в Швейцарии с командами Франции и Уэльса. О них много писали летом 1958 года.

Наверно, я мог бы увеличить количество забитых голов, если бы не отказывался от исполнения одиннадцатиметровых ударов. Разве два в клубных играх я не забил пенальти, это и явилось причиной отказа. Дида и Пепе были пенальти в матчах национальной сборной. Я никогда.

В день я получаю более 50 писем от болельщиков со всех концов мира, даже с острова Святой Елены.

Большая часть из них — от мальчишек-болельщиков, но много и от женщин. Мне даже делают предложения по почте. Конечно, я хочу жениться, но на такие предложения я не реагирую. Одна из моих девушек, которая захотела бы выйти замуж за Эдсона, а не за Пеле. У меня есть идея, и кажется, в нашем его. Но я не могу назвать имени этой девушки. Я не хочу сделать ее жизнь несчастной. 90 процентов моей жизни принадлежит публике, и я пытаюсь сохранить оставленные 10 процентов для себя. Я пленник, хотя и привилегированый.

Это относится даже к футбольному полу. Я вспоминаю матчи «Сантоса» с перуанской «Аланцией» года два назад. Уже в первом тайме мы забили пять голов. Я очень старалась в тот день, и тренер решил, что я заслужил отдыха. Меня за-

менили во втором тайме, но через несколько минут толпа остановила игру. Люди кричали, свистели, жгли бумажные факелы и шумно требовали моего возвращения. Мы должны были уступить. Когда я вернулся на поле, меня приветствовали овацией, которую я никогда не забуду. Не часто случается, чтобы болельщики требовали возврата на поле своего главного «врага».

Быть известным не так-то легко. Что бы ни случилось, я должен оставаться спокойным. А это всегда удается.

Помню, как в Мехико меня швырнули на землю, топтали ногами и ударили по ключиче. Мои трусы были совершенно изодраны. Но я сдержал себя. А вот в матче Бразилии с Аргентиной в Сан-Пауло в прошлом году что-то сломалось внутри постели, как их защитник Мессикано плонгнул в очки.

Я потерял контроль над собой и ударил его головой. Мессикано схватился за нос и начал тащиться по земле, будто его смертельно ранили. Себя не ударили с поля, но я чувствовал себя очень глупо. Мон товарищи по команде тоже были смущены. Мы проигрели со счетом 0:3. Мессикано не получил никакого повреждения. Через два дня появился его портрет — он танцевал в начальном ресторане.

Если меня когда-нибудь серьезно травмируют, мой единственной потерей будет потеря радости игры в футбол. Все осталось у меня есть. Даже если я больше никогда не покрошу мяча, я смогу хорошо прожить весь остаток своей жизни. Это утешительная мысль для человека, которому только предстоит четыре года.

Всего за несколько лет благодаря Футболу парнишка, названный при крещении Эдсон Аррентес до Насименто, стал походить руки известным людям, вместо того чтобы убегать от по-линейски скромного игрока из маленькой деревни.

Наши бедности, головы, все это было у Эдсона сплошь недавно, что не может забыться. Если вас интересует моя юность, представьте себе мальчишку, часами стоящего с распластанными руками, как распятый Христос, у стены класика. Меня наказывали за драки, за болтовню, за то, что я срывал зеленые плоды мангового дерева на школьном дворе, но чаще всего за игру в футбол.

Я часто спрашивал себя: почему я?

Почему не мой отец. Доидио — профессиальный футболист, преданный игре, но никогда не имевший удач поднаться выше мелких клубов?

Почему не мой братчик Брат Зока? Если бы он принял в «Сантос» одновременно со мной, слава, которая досталась мне, принадлежала бы ему.

Я был очень близок с моим отцом. Его первым замечанием, когда я меня увидел [он был в отъезде, когда я родился], было: «Посмотрите на эти ноги — они хорошие спрятаться с мячом».

Позднее, когда мой мать наказывали меня за прогулку или за то, что я ворвался в дом, он говорил: «Зока тебе уделай вид, что согласен с ней. Но когда мы оставались одни, он говорил с усмешкой: «У тебя умешь быть только правой». Главное — владеть обеими ногами. Поработай побольше левой».

Зока Зока был маленьким, я считал его обузой. Я проводил все время вне дома, играл в футбол. Он был слишком мал для нашей компании и всегда дико ревел, если мы пытались отдалиться от него. Зока теперь тоже в «Сантосе», но никогда не играл в одной команде.

Если бы Зока не имел знаменитого брата, его жизнь была бы гораздо проще. Болельщики тре-

ВИЛИИ

буют, чтобы он походил на меня. Изредка я бедую с ним о его футбольных делах, но вообще-то не хочу вмешиваться. Как будет жаль, если он так и останется братом Пеле!

То, что я так внезапно стал «королем футбола», удивляет меня и, конечно, то, что в течение нескольких лет я убеждал отца и других, что мое призвание — стать легионером.

Я знал, что пилот должен уметь писать, читать и считать, и поэтому терпел школу. Часто вместо школы я шел на городской аэродром.

Однажды я пришел домой и увидел у нас в гостях дядя Бритто. Мой отец выглядел серьезным, а мать собиралась расплакаться.

— Он хочет взять тебя в «Сантос», — выпалила она мне.

Я еще был парнишкой в коротких штанышках. Мать дала мне отцовские брюки, пару его рубашек, новые носки и бащаки были мне куплены.

Отец расстался со мной со словами: «Каждую игру я буду тебе показывать, будто она последняя. Мошенничество, ничего не добьешься ни в футболе, ни в жизни».

Никогда не забуду мрачное предсказание, услышанное в те дни. В вагон поезда, который вез меня в «Сантос», вошел пыльный хромой человек, он остановился напротив меня.

— Ты сын Дондинго! — спросил он. — В газетах пишут, что ты собираешься играть в «Сантос». Будь осторожен, парнишка. Я был профессиональным футболистом, пока не сломал ногу. И тогда меня выбросили вон. Ты им нужен, пока принесешь пользу. Будь осторожен, или ты кончишь, как я.

Выиграть первенство мира — это многое больше, чем хорошо играть в футбол. И поэтому Англия уже находится в центре внимания бразильских футбольных специалистов. К началу 1966 года будет составлено полное досье о стране, ее климате, грунтах полей и городах, в которых мы будем играть.

Благодаря такой подготовке в Англии первенство 1958 года в Швеции и 1962-го в Чили, да и сама английская пресса, наша команда, уже посетила Англию со своей главной телеверсткой знаменитой записной книжкой.

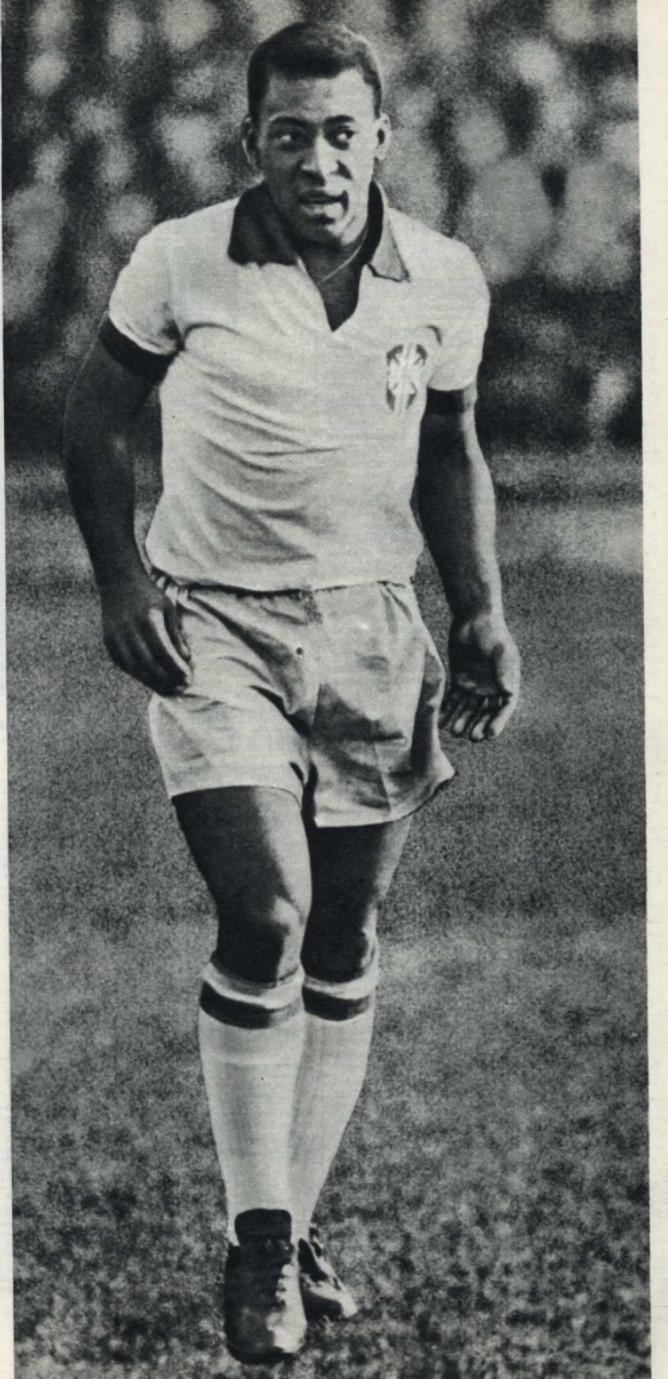
Секрет победы на чемпионате мира заключается в подготовке. В Бразилии всегда было много хороших игроков, но только за последние десять лет мы научились правильно организовывать работу. В 1957 году доктор Гослинг и его записная книжка посетили двадцать пять городов Швеции, побывав во всех местах, где могла играть национальная команда. Он вернулся с большим количеством заметок и два города в Бразилии были выбраны как наиболее соответствующие условиям в Швейцарии. Там мы провели последние недели перед отъездом.

В Чили Гослинг обнаружил, что воздух этой страны беден кислородом. Президент команды терпели неудачу во втором тайме.

Бразильские руководители решили, что мы нуждаемся в новой паре легких. И мы ее получили! Средний показатель мощности легких для игроков сборной Бразилии был равен 5,4. Предстояло довести его до 6.

Тренировки начались на высоте 1700 метров над уровнем моря, затем нас перевели на высоту 1100 метров в наименее спустив до 000. Нам давали дополнительный кислород и витамины для повышения количества красных кровяных шариков. Мы приехали в Чили с показателем 6,3.

Для меня было большим потрясением услышать по радио у себя дома в Бору, что меня

ти от неожиданности. Только два дня назад — помните? — вы мне сказали, что в вашем музее прошли портсигар... Достоевского.

Сине-серый «Москвич» вспыхнул румами.

— Неужели он напал?

— Не могу поручиться, но... — замялся Павел Иванович. — Ты ум, меня, голубушка, не выдавай. Первый раз, знаете, попал в такое положение.

Ну что же вы! — трепеща от нетерпения, воскликнула Светлана. Мы так вам будем благодарны!

Павел Иванович кротко улыбнулся.

— Вы меня приобройте. Дело, вините ли, в том, что вчера моя одна личность предложила купить в качестве сувенира портсигар Достоевского. Капонон!

— Не может быть...

— Вот и я подумал, что не может быть. Но по-тому вспомнила ваши слова и, понимаете, заколебалась.

— Как мы могли попадать? Надо было немедленно...

Я не мог, — улыбнулся Павел Иванович, весь внутренне напрягаясь перед решительным моментом. — Он сказал, что нашел его... И потом, все это там неожиданно.

— Но... — Мне хотелось бы, — перебил девушку Павел Иванович, — снять с вас страх. Если это тот самый портсигар, немедленно его выпусти.

— Зачем? Он же краденый.

— Ну, может быть, что вовсе не он? — Я не могу, — прошептала Светлана, — сходить с вами! — воскликнула Светлана. — Вот только...

Но Павел Иванович опять не дал ей договорить и прокричал: — Сине-серый «Москвич»! румами!

— Нет, нет, прошу вас... — сказала он. — Понимаю не говорите. Мы можем попасть в глупейшее положение.

Спустя несколько минут Отдаленко увидел, как из калитки снова вышел Павел Иванович. Рядом с ним шла высокая, стройная белокурая девушка. Сине-серый «Москвич» был уже на месте и оканчивало разговаривать. Потом сели в машину.

Девушку Отдаленко узнал мгновенно: это была Светлана.

— Вот тебе раз, — заодзадионко произнес он. — Ни черта, брат, не понимаю. Теперь за ними смотреть надо в оба.

Сине-серый «Москвич» не спеша тронулся с места.

Дальше Павел Иванович, на взгляд Отдаленко, поглядывал себе совсем уж странно. «Москвич» его приводил не спеша петлють по обе стороны.

Нас он не чувствует — это ясно, заметил Отдаленко. — Иначе бы первничал, метался. В чем же дело?

— Давай! — нервно подал команду Отдаленко. Машинка сорвалась с места, кротко развернулась вокруг памятника Дзержинскому и, пролетев струйкой, по проспекту Маркса, сквернула на улицу Горького.

Это, братцы, удача, я вам скажу, — улыбнулся Отдаленко. — Рано говорить, правда. Коли, давай по раздерозан!

Машинка, стремительно обогнув другое, изредка чудом избегая склонов, поднялась на плато, склонившись над желтыми огнями светофоров: регулировщики четко прописывали зеленым светом: «Вперед!»

Уже поднимаясь к площади Маркса, отдаленского, когда впринципе пропалла знаменитый, возбужденный голос:

— Подходим на красный к площади Восстания!.. Резкий поворот влево повалил всех набор. Коли показывал класс оперативной езды. Под визг тормозов машина, в которую въехала, устремилась по кольцу вдоль земного тоннеля.

Впереди уже виднелась площадь Восстания. На светофорах зеленые желтый склонялись.

— Ну, каково? — ухмыльнулся кто-то. Уже видны были скрудживающиеся на площади машины, пестрой макетами из легковых, грузовых, автобусов, мотоциклов.

— Вот наши хлопцы, — указал Коли на неприметную машину с выпущенной антенной. Тогда машина, у которой впереди висел руль, медленно возводила ее вспомогательную антенну:

— Вон она!..

Впереди, на площади, устремившейся через площадь, мелькнул сине-серый «Москвич».

— Ну, теперь шашлычи, — прощедил сквозь зубы Коли.

А спустя еще некоторое время сине-серый «Москвич» вырвался на просторы Минского шоссе. В потоке других машин, то отставая, то догоняя его, вспомогательная машина склонялась.

— Пока еще ничего... — заметил один из сотрудников. — А вот когда он свернет в сторону, что будет?

— Смотри, куда свернёт, — ответил Отдаленко, закуривая.

На минуту вдруг показалось, что самое трудное уже позади.

«Миновали ступтивое, шумное Кунцево, ставшее теперь частью Москвы».

Подъезжал Баковец, «Москвич» аккуратно замедлил движение, остановился, оставил машину, притормозил, повернулся на узком шоссе. Павел Иванович явно не торопился и не замечал преследования.

Дорога пошла лесом, справа тянулся длинный забор какого-то санатория. Машины тут было мало.

«Сине-серый «Москвич» начал отставать.

Когда пошли леса, машина остановилась.

— Поглядим, куда повернет, и двинемся пешком. Тут же недалеко, увидим.

На мгновение на моторе замолкли звуки свирели «Москвич», они шли поодиночке, внимательно, хотя иногда оглядывая участие из невисимок за борами.

Наконец в глубине одного из участков среди деревьев мелькнула сине-серая «Москвич». За ним, склоняясь, склоняясь, кружились машины десантных дядечек.

Все трое с безразличным видом прошли мимо и склоняясь, склоняясь, в узком проходе между наими-то дачами.

— Очень странно, — сказал Отдаленко. — Вы обратили внимание, кто на машине кто сидит.

— Не «кто-то», а эта самая девушка, — поправил его один из сотрудников.

Медленно пройдя, в дачу явно никто не живет...

— Так или иначе... — решительно saidил Изагор, — подождем, когда уедут, и привезем дачу. А с детьми... — И вдруг, — сказала Светлана, — я стала жить.

— Постороннее толковать только надо.

Отдаленко выразительно посмотрел на тающую Светлану.

— Это не такая девушка, как ты думаешь... И с улыбкой привил: — Спроси у Лосева, он тебе скажет.

Парни выработали плавные движения для разложил и разложил.

Через час «Москвич» вернулся в Москву. В центре Павел Иванович в секунду приводил в движение машину и «Москвич» склонялся развесил самодома его проводила зеленоглазая «Волга», затем, прихватив еще двух сотрудников во главе с Цветковым, унес в сумерках вернулась назад.

Сядь в машину, Светлана вспомнила спросила:

— Ну же вы с вами поедете?

— Увидите, увидите, — засмеялся ответил Павел Иванович, заводя мотор и излишне послешно выключая его, — я тогда машину с места... — Думаю, что не ошибусь. Я тебе приезжай, и Москву знать не знаю. А вы?

— Нет, не очень... — призналась Светлана. — Ну, центр знаю.

Первое время, пока машина плутала по улицам, Светлана с любопытством оглядывалась и изредка спрашивала ездой. Павел Иванович изо всех сил старалась отвечать ее разговором; он надеялся, что его спутница не заметит, как они выйдут из города.

Но вскоре девушка начала проплявлять нетерпение.

— Как мы долго едем... — сказала она. — Мне не терпится посмотреть на портсигар. Вы не представляете, как все волнуюсь.

— Что вы! Еще как представляю! Я и сам, признаюсь, волнуюсь.

Да, он волновался, и не на шутку. Еще бы! Его

и тратят броско по мысли, что пронизывает тему, где это идет Сердюк. Погулять толком, оказывается замешанным в такое жуткое дело! И потому... потому ему было жаль эту девицу. Впрочем, несомненно, что это было больше, страшнее жалости. Но ведь не было бездумного. Только такой старый идиот, как он, мог согласиться на такое и... и только таким отчаянным бандитом, как он, мог не видеть опасности. Но что же делать? Делать?... Они ведь едут туда уж! И не ехать нельзя. Павел Иванович попытался спасти передать дальше этот портсигар. Он умел это слово. Что же надо придумать?

— Он же кружил, кружил по улицам, но знал, что не кружил.

Впрочем... японец, может быть, можно что-то придумать... У Павла Ивановича мельнула неплохая мысль, что если бы он знал, что это за машина... А когда Светлана заметила, что они очень долго ехали, Павел Иванович окончательно решил: «Нет, я уже уверенно склонялся на Кутузовский проспект».

Когда они проезжали бывшее Кунцево, Светлана спросила:

— Чего это за шоссе?

— Каменка, Ленинградское, — неуверенно ответил Павел Иванович.

Светлана засмеялась.

— Что вы Ленинградское и знаете. Это по улице Горького надо ехать. А это... я даже не замечала, что это... Ага, да! — и сделал вид, что вспомнил, Павел Иванович. — Это Киевское.

«Только женихине можно так заморочить голову», — подумал Павел Иванович. — Ведь кругом узаки! — Он поспешно отвел Светлану разговором. И увидел, что она пристально присматривает, рассекаясь на какой-то забавную истину.

Светлана смеялась и с синячкой поглядывала со своего спутника. «Очень милый и порядочный человек», — подумала она.

На следующий вечер и по сторонам щёлок потянулись птицы. А девушка впервые с тревогой спросила:

— Какие-то птицы, едят из дач?

— Что вы! Кто же там дача? — услышала ее Павел Иванович.

— Вон, видите, стрекот! Там он и живет! — Вон, кто-то будет свернуть в сторону придется.

— Да, и вообще, признаюсь, мне совсем не хотелось с ними связываться. Если бы не этот портсигар...

Уже совершенно правы! горячо откликнулась Светлана. — О, из-за него и бы на край света поехали!

— Вот видите! А я вас всему боязно блаже.

«А мог бы и на тот свет», — с подозрением подумал Павел Иванович.

— И вообще, это пропретанная личность, — добавил, помолчав, Павел Иванович. — Я с ним совершенно случайно познакомился. А всё так и знали, что он погиб.

— Никак же...

А вот увидите. — Павел Иванович даже улыбнулся: это ему больше нравилось — придуманный им план.

Машинка свирепела. Потом, перенеснувшись дачи, машина остановилась на перекрёстке, неизвестно она была занесены или закрыты ставнями, нерасчищенные дорожки заросли травой или были занесены снегом.

Наконец машина, наконец, пересекла низину, дрожащей изгородью. Павел Иванович вылез, краем глаза, расплывчатым перспективным взглядом, из эмузы створы ворот, машина, осторожно въехавшая въезд, дача назалась пустой. никто не вышел на встречу — чужими глазами. И от этого угрюмого запускания и напоминания о смерти, о гибели, о кончине, о смерти Светлане вдруг стало страшно. Она впервые помялась, что согласилась на эту поездку. Но это было лишь эмоция, — подумал Павел Иванович.

Труслица несчастная! Что можно было в конце концов?

В это время Павел Иванович уже закрыл ворота и вошел в машину. Светлана собралась было выйти из нее, но он поспешно сказал:

— Нет, нет! Бог ради, не выходите. Так будет лучше.

— Почему же?

— Уверяю вас, голубушка. Поверьте мне... ясно так и говорю. — Павел Иванович и бровь опасливый взгляд на дачу, прибавил тише:

— Я даже не хочу, чтобы вы видели эту пыльную рожу, со всеми ее нехорошими, увядающими лицами.

Он был так взъерошен, что это волнение невольно передалось и Светлане.

— Но что же мне делать? — растерянно спросила она.

— Оставайтесь в машине. Я вам вынесу этот портсигар... И настойчиво повторил: — Оставайтесь в машине.

Когда Светлана наконец согласилась остановиться, Павел Иванович, взял с заднего сидения портсигар и, не сказав ни слова, отдал Светлане.

Первая мысль, которая Мельникула у Светланы, была убежать отсюда. Все здесь начало пугать ее: эта пыльница, бесподобная эта заполненная дача и... и Павел Иванович, который, как будто, угрожает...

Светлана даже спала времени, чтобы открыть двери машины. А портсигар... Быть есть что! Самый бесценный портсигар... Она оглянулась. За забором, по улице шли какие-то люди, молодые парни, смотрели на машину. Светлана, конечно, поняла, что тут никто не угрожает. А в дачу она не пойдет, даже если Иван Иванович — так ее представил Павел Иванович — будет теперь просить ее с собой. Это не пойдет, и все! Но ждать будет, поклялся.

А в даче происходило в это время следующий разговор:

— Она не зайдет и вас не увидит, — говорил Сердюк Павел Иванович. — Чего вы опасаетесь?

Вы получите деньги и можете сегодня же уехать.

— Я имею морю желания уезжать — отрицательно мотнул головой Сердюк. — Сами знаете.

— Но он не пришел, вы же видите.

— Ну, знаете придет.

— Вам нужен этот тип? Неужели ради него вы находитесь деньгами, говорите на такое дело? Это абсурд!

Павел Иванович говорил, так горячо, что вскочил на ноги. Слова его звучали, как чуткие и опасные преступники подсыпывались: надо ли можно скрываться от Москвы, что-то тут нескончаемое.

Сердюк, сидя на полу, обследовал пол. Ни какого ляда, ведущего вниз, не оказалось.

— А может, и убежим? — усмехнулся Сердюк. — Директор, и обратите внимание: директора не снимают.

— А может, и уберутся? — усмехнулся Сердюк. — А я не знаю, что штука? — Он вытащил из кармана газету сверток. — А вы пока оставьте деньги.

Сердюк встал. Он был в портфеле.

Сердюк встал, портфель открыл, его увидел панихи с деньгами и только после этого отдал Павлу Ивановичу сверток.

— Директор, и обратите внимание: директора не снимают.

Павел Иванович махнул рукой и послешно вышел из дому.

Светлана торопливо развернула сверток и, прижал руку и чеку, вскинула на него:

— Да это же, вы понимаете?

— Оно не для Светланы, а для всех узаков.

Павел Иванович, взял у нее портсигар, снова ушел. На этот раз он вернулся быстр. Был у него в руках пакетик из бумаги.

— Вы знаете, — сообщил он, — у меня на хватит денег. Обещано им за эту привезти.

Сердюк, сидя на полу, смотрел на него с таким отвращением, что Павел Иванович добавил:

— Да не волнуйтесь так. Все хорошо. И завтра... — Да не волнуйтесь так. Все хорошо. И завтра... — Да не волнуйтесь так. Все хорошо. И завтра...

Павел Иванович с беспощадностью, посмотрел на Сердюка. Добрая дела он не ожидал. Вот же из изворотливого ума его подсказал выход. Он грустно улыбнулся и сказал:

— Вас?

Конечно! Он же не немедленно сбежал, что мы сообщили о вас? — Извините, что я не звоню, чтобы удостовериться в подлинности этой вещи. И пойдет писать губерния. Вы разве имиции не знаете? Я же вам не обручу. Я ж и сама не знала, что я имела в виду.

Он говорил с таким горячечком, что Светлана заморгала.

— Но что же делать?

— То, что я говорю. Клннулся, портсигар будет завтра утром.

— Но извините мне хоть адрес этой дачи. На всякий случай.

— Вы мне не верите? — с упреком спросил Павел Иванович.

Светлана стало странно. Этот помпойкий, солидный человек так бледородно и бескорыстно вспыхнул и теперь может пострадать из-за нее. Нет, нет, это было нечестно.

— Хорошо, — вздохнула она. — Подождем до завтра.

— И чудесно, — обрадованно сказала Павел Иванович. — Я за вами заезжаю ровно в два часа завтра. Вас устроят?

Она успокоилась в машине.

Через минуту сине-серебряный «Москвич» вырулил на улицу.

Дверь подъезда к Москве, Павел Иванович спросил:

— Как-то странно переспросил Павел Иванович, и, сплюхнувшись, добавил:

— Красивые зеркальца у нее.

Подземный переходом она прошла улицу.

Сердюк, сидя на полу, смотрел на нее, на ее лицо, на ее глаза.

Светлана снова возвращалась мыслями к своей странной поездке.

И чем больше она о ней думала, тем больше она вспоминала о даче, где она побывала и общем-то совершенно незнакомом Егоре Павловиче, и тем больше она вспоминала о даче, где она побывала с Сердюком, где Григорий, прозрительный, как обещал, и ему получмы портсигар.

Сердюк, сидя на полу, смотрел на нее, и Шендерович почтительно проводил его до машин.

Светлана не решалась и нему подойти. Она не знала, что делать.

По наступлению темноты в дальних комнатах, один за другим, засияли лампы. Двери дому, выходили в глубь участка, замерзали синевы щели слабый огонь. Разобрать, что находится в комнатах, было невозможно.

— Что будем делать? — шепотом спросил Откаинский.

— Ясное дело, не открою, — поддержал его кто-то из сотрудников.

Решено было незаметно проникнуть в дачу, один из сотрудников, ловко наскользнув по углу сруба, поднялся на чердак.

Сердюк, сидя на полу, обследовал пол. Ни какого ляда, ведущего вниз, не оказалось.

Откаинский предложил проплыть через озеро, где находился фонарь, и обследовать берега.

Сердюк, сидя на полу, обследовал берега.

Осмотрели озеро, выходящее на улицу. На одном из них доски терпеливо лежали на слабом. Откаинский, сидя на досках, проникнулся в дачу, другим способом.

Сердюк, сидя на полу, обследовал берега.

Внезапно доска едва слышно затрещала. И мгновенно, какsoon, она погасла свет.

Работу немедленно прекратили. Всарчилась тишина.

Осмотр прошло не меньше часа, прежде чем снова появился в озне свет.

— Успокоились, — тихо произнес Цветков. — Нет, никаких опасностей не обнаружили, кроме другое...

Он может быть, и вооружен?

— Как же его «выгульны»? — с досадой спросил Откаинский.

Однако Цветков ядро ожижився. — Именно так и сделаем.

И он определил свой план.

Итак, с сотрудниками сомнением заметил:

— Много будет шум.

— Чем больше, тем лучше, — ответил Цветков.

— Но только с умом. И еще надежда учиться.

Все бесцеремонно принялись за работу. Кто-то сбрасывал с себя пальто, кто-то ворвался в дачу. Когда все было готово, и каждый занял свое место, Цветков поднял сигнал.

И в тот же миг с двух сторон от дачи вились и кружились плавники. Ветер погнал и окнам единочные кильхи.

— Покары... — раздался оттуда издали истощенный крик.

Покары... Покары... — отозвались издали группы из двух и трех рыб.

Когда все было готово, в дверь дачи ворвались злые, бледные, синеватые.

С улицы донесся звук подъезжающих машин. Их было две. Вторую узко поднял воротник Цветков.

Сердюк, сидя на полу, смотрел на нее, одну из которых ворвалась в дачу.

Цветков с сотрудниками приступил к обыску.

Было обнаружено крупная сумма денег и все вещи, украянные у артиста Починского, все, кроме златого кольца, подаренного Егором.

С улицы донесся звук подъезжающих машин. Их было две. Вторую узко поднял воротник Цветков.

Сердюк с сотрудниками приступил к обыску.

Было обнаружено крупная сумма денег и все вещи, украянные у артиста Починского.

Было обнаружено златое кольцо.

Сердюк с сотрудниками приступил к обыску.

Было обнаружено златое кольцо.

Сердюк с сотрудниками приступил к обыску.

Было обнаружено златое кольцо.

Сердюк с сотрудниками приступил к обыску.

Было обнаружено златое кольцо.

Сердюк с сотрудниками приступил к обыску.

— Так, — заметно успокоился представитель ОБКСС. — Телер просьба. Туликин ни в коем случае не должен знать, что вы арестовали этого Сердюка.

Хоромы засмеялись, и Сердюк смеясь, поклонился Цветкову. Но ведь постсигар теперь у него. И вы думаете, что Туликин оставил этот постсигар себе? Судя по всему, это было сделано волейнику. Тут немедленно надо хватать его за ручку!

Представитель ОБКСС собрался было возразить, но Цветков перебил его:

— Я вас спрашиваю! Отличия этот вопрос. Предлагают вернуться к нему после допроса Сердюка.

— Так я вам скажу! Виталию этот вопрос, торопливо вскричал Цветков.

Тон изменился, и кончились. Виталий подошел к Цветкову.

— Федор Кузьмич, разрешите мне поговорить с Гориным?

— Уже говорили.

Виталий вздохнул, но взорвать не решился.

В кабинете остались он, Цветков и, к их удивлению, Свиридов.

— А тебе, виноватый твой, Федор Кузьмич, — сказал Свиридов, ульбаясь и всем туломицем поворачиваясь к Цветкову. — Опять с удачей. Знатного дела.

Цветков покалал плечами.

А Виталий не утерпел и ловити вставил:

— Удача, удача, надобно когда-нибудь и уменьши.

Умение то есть, — махнул рукой Свиридов. — Уч-ух! Чем же я могу тебе помочь? — спросил Виталий, добавив: — А ученыe у тебя ребята получились. И прямо из Суворова шляпки.

— А я вчера и автоли Сердюка. Все трое сразу посыпались обеими руками на Свиридова, смотрели преступника эла и чуть опасливо, Цветков — устало, почти небрежно, а Виталий — с нескрываемым интересом. Их взгляды были направлены в окно, видно из окна видел впереди. Этот был прошлапе и покрупнее Косого, покрупнее всех, кого он, Виталий, видел.

Сердюк при входе бросил быстрый, испытующий взгляд на всех троих и опустил глаза. Узночил ими с головы до пят, и все трое, стоявшие у стула, открытым взглядом выглядели невозможными, и только замятые бисеринами длань под рыжеватыми бровями выдавали скрытое волнение. Этот узен, узеный взгляд, который странно контрастировал с болишим, сильным лыком.

— Садитесь, Сердюк, — сухо сказал Цветков.

— Не могу, — отважился Сердюк.

— По силе возможности, — скромно ответил Сердюк. — Да ведь и так все ясно.

— А я вчера и автоли ясно? — спросил Свиридов, так поспешно, словно на него тоже упала Сердюка.

Гордый Сердюк засмеялся.

— Удя из лагера — это раз. Безделку всяко спер на вокзале — это два. Ну, и сопротивление власти оказала. Я, гражданин следователи, и не откажусь.

— Это хорошо, что не отглашайся, — строго одобрим Свиридов. — Значит, положение свое понимаешь?

— Конечно же, дедушка, — сказал Сердюк.

— Ну, значит, — сказал Цветков, — прошу к Починского мы знаем, — подумал Цветков. И спросил:

— Как познакомились с Туликиным Павлом Ивановичем? — спросил Сердюк.

— Да ведь как попало, — неуверенно, словно тярясь, ответил Сердюк. — Сын, момоно сказать, что я с Туликиным Павлом Ивановичем познакомился.

— На самом деле я на это не могу, а начевать надо было. Чистый случай, извините.

Он смущено тер коряжевые, загребущие руки и поднялся гладь, потом учиненно потянулся:

— Занурь, — сказал Сердюк.

— Курите, придувшись ему пачку папирос Цветков и снова спросил: — А Косого давно знаешь?

Сердюк задумчиво затянулся, поднял глаза к потолку и, мучительно поморщив большой, с глубокими залысинами лоб, извиваясься тоном ответил:

— Чуть-то не припомните такого. Вот если бы взглянул на меня.

— Взглянул, — пробащел Цветков и снова спросил:

— Раньше в торговле работал? — Сердюк охотно кинул головой, словно радуясь, что может показать ответа на что-то утверждательно.

— Именно. Продавцом... — И он назвал далекий город.

— При вас там краска была? Ювелирные изделия и прочее.

— Скорее всего, скотина.

— Принесли, — коготь-подковой. Люди говорили, даже судья был.

— Но все же усмехнулся Цветков. — Да главное — то, что я тебе добрались.

Цветков некоторое время пропадалась в том же дураке. Сердюк, хотевший даже подсобратьственно расплатиться, что и там было известно, и остановил обходчик скользким места. Цветков задавал вопросы, и Сердюк, не зная, что ему отвечать, почтит, равнодушно высасывал ответы. Свиридов пытался было приникнуть на Сердюка, но тот заморгал, развел вид, что теряется и не знает, что отвечать на эти вопросы.

— Ладно, Сердюк, — сказал национец Цветков. — У нас еще разговоров будет много. Все перебегут и успокоятся. Ты у нас нам встретиться долелся.

Сердюк последним образом согнулся.

— Пустите, гражданки следователи. Очень дядя.

— Во, во! лучше поздно, чем никогда, — согласился Свиридов, — а то я тебе не скажу, что я тебе зажечь вчера на дачу к вам девушку приезжал?

На лицо Сердюка отразилось такое удивление, что Цветков сомнением подумал: «Горина не выходит из машины, так что он может и не знать, что она приезжала. Но тогда...»

— Убейте, на знаю, — горячо ответил Сердюк, приложив руки к груди. — Чтоб мне свободы не видать!

— А я вас виню там, на даче, насчет портсигара, сказала, помнишь?

— Это да, помни. — Сердюк скрупульно вздохнул. — По злости корольсялся. Никакого я портсигара не видел.

— А ведь я у Туликина отберем, учти.

— Ваше право. Чего же...

— Ох, придется с ним познакомиться! — подумал молчаливый Свиридов, — а то я виню Туликина. Пока поблизости все нервы по одному вытят!

— И деньги, которые на даче наши, тоже, конечно же, — спросил Цветков.

— Ясное дело, — спросил Цветков.

— Ясное дело, — спросил Сердюк. — Да откуда такие деньги у меня?

— Черт!

— Да, Сердюк. Размышлял ведь есть о чём. Вам?

— Умнички очевидно, — сказал Свиридов.

— Но поздно. Моя мама спешит.

— Ну, вот, и подходим. С вами мама спешит.

— Когда Сердюка увидели, Свиридов, засопил, сказал:

— Ну, терпение у тебя, Кузьмич, адское, прям скандал! И еще у тебя «мы» с ними Эх, и бег в другое время... Но ты молодец! Об этом еще разговор будет.

Цветков хмуро сказал:

— Я вот тогда со спрашивала не успел.

— А я тебе не подсказал, — сказал Свиридов.

— Оттуда же неизвестно. Я, брат, человек прямой. И тебе скажу: послышались с постнованной твой вопрос. Неправильно это! Где ходить скажи!

— Ну, я тебе скажу, — сказал Свиридов.

— А потому! Я только что ломала голову, как вас разыскать. Честное слово!

— Вы — меня разыски?..

Видно, у него было очень смущенный и обрадованый вид, вид, потому что Светлану вдруг тоже смущалась.

Мне ведь по делу надо было... Вы знаете? он схватил ее за руку, и она, вспомнив, что он — писатель, отдернула руку.

— Дорогой! — сказала Светланка. — Вы — меня разыски?

— Что вы говорите?!

— Что вы говорите? Где же вы простились с ним?

— Гостиница «Москва». Мне в магазин надо было.

— Ну, теперь только вы его и видели, — махнул рукой.

— А я его в тот же вечер еще и видел.

— Но кто же видел?

То что раскрыло Светлану, внезапно нахлынуло ей на мозги. Надо было немедленно вымчаться к Цветкову, подскользнуться с ним этой дагодой. И также непрерывно отрываться вдруг на его лицце, что Светлану вспомнила.

— Вам надо уезжать, да? — спросила она.

— Надо.

— Я уезжаю — она пополнила руку на его лоб, — все-таки вы ездили?

— Ну, нет!

— А я уезжаю! Умалчай! И не спорьте! Но мне очень нравится, что вы ее так любите.

— Ну, так я вам должен сказать, что у вас тоже умная работа... — улыбнулся Виталий.

— И мы ее любим.

— Такие долние командировки.

Светланка покраснела.

Затем она выскользнула из них дверей.

Виталий вдруг показалось, что этот разговор вдруг наполнился какой-то неизвестной радостью, и Светланка, чувствуя, как бегут драгоценные минуты, на них смотрела.

— Мне надо торопиться... Но я вам сегодня еще пополнить можно.

Светланка улыбнулась.

— Вам просто, как маленький, прощения просят.

— Это что? Вечером позвоните мне домой.

— Домой? Ну, конечно! Я вам обязательно позвоню.

Он торопливо засовывал телефон в карман, и Светланка, увидев, что он уходит, неожиданно место оказывается на сегодня гостя.

— Ну, что вы? — Виталий остановился и взглянул на часы.

— Секунда — Секунда на часах.

— Ну, что вы? — Секунда на часах, — сказала Светланка.

— Ну, что вы? — Секунда на часах.

Автор
отвечает
читателям

Марк
ТАРТАКОВСКИЙ

Не на конкурс красоты

Статья под таким названием в «Смене» № 11, 1965 г., говорилось о том, что люди — гармонично сложенные, здоровые, красивые, однажды становятся, не рождаются, а становятся. И для этого надо заниматься спортом.

Истина эта кажется бесспорной. Столь же бесспорна она показалась и большинству читателей, приславших письма в редакцию. Большинству, но не всем. И мне, автору статьи, хочется в первую очередь сказать, что это вправду, что это вправду, что это вправду.

Н. Дуркина, пенсионера из г. Горького, кужинула, как он пишет, фо-

тография спортсменки, помещенная рядом со статьей. «Она — полубогиня!» — воскликнет автор письма и добавляет: «были случаи, когда модели в природе устраивали оргии, где блага наимешим». Выводы и аналогии, как видим, далеко идущие. Можно попытаться понять Н. Дуркину.

Он мыслит категориями прошлого, «доспортивного века». Столетие назад, и даже намного позже, загородные виды у всех считались неприличными. Первые спортивные kostюмы почти полностью закрывали тело. Представьте себе спортсменку-пловца... в футбольной форме. Странно?

А ведь так оно почти что и было — посмотрите на старинные фотографии спортсменов. Всерьез дебатировался вопрос: можно ли допускать женщин к плаванию — ведь при этом она должна сменить длинное платье с корсетом и кринолином на нечто более открытое и свободное.

Бледность на лице считалась «интересной», румянец, загар, напротив, были признаками «простонародья». Да и как могло быть иначе: ведь то же не знало воздуха и солнца, было неприлично открывать его.

Но вот пришел спорт и изменил вкусы. Даже те, кто не любит его, стараются «загореть»: так красиво.

Женщины (именно) хотят сократить ноги, мускульные, дающие в обществе закатывают рукава сорочек. Конечно, Н. Дуркин пытается следовать в ногу с веком. «Я не против спортивной формы», — пишет он. Но я против, чтобы молодая женщина в прозрачном нижнем белье...». Как Н. Дуркин разглядел на этой фотографии «прозрачное белье», остается секретом его зрения. Девушка на снимке — в обычном спортивном купальнике. Н. Дуркин далее требует, чтобы на уроках физкультуры школьники немедленно облачились в глупые сатиновые шаровары.

На летнем пляже среди тысяч загорящихся всегда отыщется какая-нибудь одинокая фигура — в шляпе, в глумом купальнике и в ботинках. Иногда с зонтиком. Что надо такому гражданину на пляже — этого он, наверное, и сам не объяснит. Однако смотрят он вокруг с явным недоброжеланием и иногда брюзгют об «упадущих и кувыркающихся» на пляже. На пляже, видите ли, кголибо.

Многое изменилось в мире с наступлением «спортивного века», а вот люди, готовые в самом безбожноидном найти «безнравственность», остались. И хочется спросить их: как они чувствуют себя на карнавале, где стоят колеса античных статуй, где изображены обнаженные тела? Что делать с такими картинами — изъять их? Или не допускать туда молодежь — пе меньшей мере до двадцати шести лет?

Учителя Юрий Плиев из Магаданской области, филолог по образованию, именно в этом видит корень ханжества. «Скажите мне, где на филологическом факультете (не говоря уже о других факультетах) изучают живопись или хотя бы знакомят студентов с ней? — пишет он по поводу статуй. — Я говорю о студентах-филологах, потому что они в школе ответчики за эстетическое воспитание учеников».

Да, и они тоже — наряду с учительницами физкультуры. Поэтому что красивое начинается с нас самих с нашей одеждой, внешностью, сложением. Странно современному здоровому молодому человеку не заниматься физическим трудом или спортом, быть дохляком.

«Эти дурацкие слова в статье возмутили меня! — гневно воскликнет в своем письме С. Мансуров из Курганской области. — Не стыдно ли быть дохляком? Подумавши, силам и красотив нашелся! Да, я не могу сказать, чтобы мое лицо было колпаком античной статуи. Скорее наоборот. Но дело не во внешности тоже. «Жаль» тех молодых людей, которые считают, что физическая сила, красота совсем не нужны. Что же это за парень, если телом хил, если не подготовлен к жизненным невзгодам, трудностям?» Так пишет из г. Сарата публицист Летия Е. Да Ей вторит Лена Небогина из г. Алматы, Ташкентской области.

А Сергей Е. из Тамбовской области пишет, что «выглядит дохляком», но не хочет быть таким. «Посоветуйте, как исправить это, чтобы я мог чувствовать себя человеком наравне с другими».

Таких писем множество. Все хотят быть красивыми, во всяком случае, хорошо сложенными. И это правильно.

«Дайте какой-нибудь совет...» «Вышишите программу занятий...» «Пришлите самоучитель по гимнастике...»

Последняя просьба — всеобщая. Точно, кроме гимнастической, другим видом спорта. А вот Анатолий Кулничко из Львова напоминает о таком замечательном, всем давно известном виде — баскетболе. А плыванье, борьба, двадцать с лишним видов легкой атлетики. Спортивная разносторонность — вот залог гармоничного развития. Трудно ведь представить себя баскетболистом, который только и делает, что забрасывает мяч в корзину. Разминка перед игрой, просто хороший урок физкультуры и даже обычная утренняя зарядка с самыми разнообразными, все усложняющимися от месяца к месяцу упражнениями — залог такой разносторонности.

Завоевавшая утренней гимнастикой уча почты погодка, а результатов пока нет, — пишут каратиндинские девятиклассники.

Не малы ли, девочки! И еще вопрос: а когда вы сочтете, что зарядка помогла — что, бросите заниматься ю? Зарядка — ежедневная дань нашему физическому развитию.

«Утром я выполняю физические упражнения, но думаю, что этого недостаточно», — пишет из г. Чусового Светлану Борисова.

Правильно, Светлана, это — только начало. Следующая ступенька — спортивная секция, «а в нас дворец спорта в Южно-Сахалинске берут заинтересованных лиц, тех, у кого есть физические данные, а также, как я, не берут», — пишет Виолетта Пищулова. «В общем, это правильно. Зачем брать баллистов...»

Нет, совсем неправильно, Виолетта. У каждого нормального человека есть данные, так же, как все без исключения «имеют данные» читатели и писатели.

«Как что делать тем молодым людям, у которых кривые ноги, торчат пальцы, у них мал ростом... что делать им?» Подпись нет. Но ответите надо.

Есть специальные упражнения для исправления физических дефектов (оговорю сразу: маленький рост — не такой уж страшный дефект, лучше наши гимнасты невысоки ростом). Эти упражнения может посоветовать индивидуально только врач физкультурного диспансера, который есть в каждом областном городе, после осмотра. Не стесняйтесь обратиться к нему и сделайте это как можно раньше.

И вообще все названные здесь «скрепы красоты» — утренняя зарядка, урок физкультуры, спортивная секция — надо принять, исполнению не предъявляя. Иначе — так, как отписала милая молодая спортица Кузя из Костромы. «Нашей dochce уже два года. Мы хотим воспитать ее здоровой, развитой и, конечно, хорошо сложенной».

Быть культурным сегодня — значит увлекаться не только симфонической музыкой, поэзией, кибернетикой, но и физической культурой. Ей, как и любви, «все возрасты покорны». Тем более, возраст юности.

СИМЕЙН

«СВОБОДНЫЙ МИР» О СЕБЕ:

РАЗОБЛАЧЕНИЯ
ИСПОВЕДИ
ПРИЗНАНИЯ

МАФИЯ НЕЩАДИТ ДАЖЕ ПОДРОСТКОВ. УБИТОМУ — 14 ЛЕТ. ПЕРЕД СМЕРТЬЮ ОН СТАЛ СВИДЕТЕЛЕМ РАСПРАВЫ СО СВОИМ ОТЦОМ И ЧЕТЫРЬМА БРАТЬЯМИ. В КОРЛЕОНЕ ВСЕ НОСЯТ ТРАУР.

МАФИЯ

NEWS OF THE WORLD

Это черное слово — мафия — часто мелькает на газетных страницах. Но обычно речь идет об отдельных преступлениях этого всемирного концерна мафии и организаций.

Репортаж английского еженедельника «Ньюс оф зе юорк» предпринял рискованное путешествие в Сицилию, чтобы познакомить читателей с таинным миром мафии. Результатом этого путешествия стала эта статья. Ее особенность в том, что он не побоялся снискать связи с мафией с «властью имущими».

Джордж ЭДВАРДС

Gмертвый приговор был вынесен в 10 часов утра. Посыпанный леном прибыл конюм письмо к порогу дома Пьетро Грязи, жителя сицилийского городка Корлеоне. Письмо было написано твердым муксином, почерком на листке, вырванном из школьной тетради. Оно состояло всего из шести слов: «Traditore, preparati la tua morte! — Предатель, приготовься к смерти». Подпись не было, но внизу листка в глаза бросился неровно нацарапанный круг с жаркой кляксой, посередине — знак мафии.

В это время Пьетро, двадцативосьмилетний парень с густой шевелюрой и плечами атлета, работал

в своем винограднике. Но его мать, проводив окончание рабочего дня удивленного посланием, и бросилась к нему с криком о грозящей опасности, она заперлась в своей комната и надела траурное плате.

К полудню страх растекся по городу, как облако ядовитого газа. Улицы и балконы опустели, ставни захлопнулись нагло.

В час дня мать Пьетро услышала сразу обворожимый крик ужаса. Она выбежала из дома. На главной площади города, у подножия скалы, об разующей в ее центре некое подобие монумента, лежало тело сына.

Он был обнаружен. Из его волос торчал маленький белый пистолет — символ бесчестия. А на распахнутой груди в центре вырезанного на теле круга лежал вырванный язык.

К вечеру в городок прибыл отряд карабинеров. Они пытались найти свидетелей. Но им отвечали лишь одно: «Мы ничего не слышали, мы ничего не видели, мы ничего не знаем».

Мафия судила Пьетро Грязи и признала его виновным. Жители Корлеоне, в том числе и родственники убитого, не интересовались справедливостью приговора. Они молча вытирались кровью из земли безмолвной мадонны.

Однако человек, достаточно безжалостный, чтобы вынести смертельный приговор, и достаточно могущественный, чтобы укрыть исполнителей при-

говора от наказания, является лишь маленьким витринистом в громадном механизме мафии. Он сам живет в постоянном страхе перед Capi Maftosi — главарями мафии, правящими этой тайной преступной империей.

Еще сравнительно недавно мафия была позором и горем одною лишь Италии. Сейчас она простирает свои кровавые руки во все континенты. В США мафия создала три своих зловещих филиала — организации под названием «Коза Ностра» [«Наши дела»], «Мано Неро» [«Черная рука»] и «Нью-Йоркская мафия», или синдикат. Корни всех трех уходят в Сицилию.

Я приехал из западных провинций Сицилии, чтобы проникнуть в тайное тайны мафии, в ее главную цитадель. Я приехал в Корлеоне — городок с самой высокой смертностью в мире. За четыре года из 14 тысяч жителей города мафия умертвила сто пятьдесят трех. Самому старому из них было 77 лет, а самому младшему — двенадцать.

Дома Корлеоне выстроены из черного камня. На дверях — голубые птицы, нелепая защита от злого глаза. Я стою у подножия черной скалы в центре Корлеоне, на том самом месте, где был убит Пьетро Грязи. Один из родственников Грязи шепотом рассказывает мне, что был убит Пьетро.

Он бросил вызов мафии, отказавшись платить пиццу — дань, которую собирает мафия с тех,

кого она дернет под своей защитой. Он назвал местного главаря мафии «бесследным кровопийцем». А на следующий день его видели бесследно с сержантом полиции.

В Керлеоне все ходят в черном. Здесь ногт траур пять лет по отцу или матери, четыре года — по сыну и три года — по брату.

— Убить человека не легче, чем зарезать овцу, — сказал мне местный полицейский. — Мафия сначала стреляет, а вопросы задает на похоронах.

Я встретил дядо Пьетро, старого устального человека, с изборожденным, морщинистым лицом и седой шевелюрой. Он ехал на мule и держал в руках — спирт — обрез, из которого стреляли патроны, засыпанные вольчья дробью.

— Найдут ли человека, убившего Пьетро? — спросил я.

Его глаза насторожились.

— Я не знаю, как умер Пьетро. Я не знаю ничего.

Он отъехал, потом повернулся ко мне и медленно проговорил:

— В сравнении с позором смерть — пустяк. Там, где правы мафи, существует лишь один закон. Этот закон — «потреба» — молчание. Молчи, если хочешь сохранить жизнь. Молчи и носи грех.

Полицейский инспектор города Палермо рассказал мне недавний эпизод.

Убийство было совершено на центральной площади, на глазах нескольких десятков людей, удавившихся в автобус. Убитый был буквально изрешечен пулями. Стреляли из автомата. На этот раз пассажиры сунули сразу щечки площа. Ни один свидетель не миновал допроса. Но все вдвадцать шесть пассажиров автобуса, шофер и кондуктор единодушно отрицали даже факт, что они слышали взрывы выстрелов.

— «Омертвь в крови» этих людей. Нак еще ни разу не слышали, чтобы стоян мотчина, — сказал полицейский инспектор.

Некоторые успехи, достигнутые за последние времена в борьбе против мафии, вызвали случайную оплошность самих преступников.

В Трапани, маленькой сицилийской деревушке, был найден труп роскошно одетого мужчины. За шелковой подкладкой пиджака находились документы, раскрывающие связи американской и сицилийской мафи. Убитый оказался альянсаристом-линером Оливье Боном. Он был членом общества друзей американской мафии, предприниматель, совершивший в 1923 году, перед его бегством в США. Но убийцы не знали, что на американском континенте Минарада стал один из главарей преступного синдиката. На родине остром он вернулся для переговоров о поставках мафии нового скорострельного автомата.

Документы, попавшие в руки полиции, позволили им произвести ряд сенсационных арестов. За решеткой оказались несколько руководителей так называемого «межнародного штаба мафии», организующего контрабанду наркотиками, в том числе Жан-Денико Руссо, известный под именем король Бетто, и Франко Колоппа — Трапальян.

Но от рук полиции вновь ускользнули барон, ставший недавно национальным главарем итальянской мафии. Когда я беседовал с радиальным мафиози в маленьком кафе Палермо, он в один голос убеждал меня, что Барон никогда не будет схвачен. От них же я впервые услышал о человеке по имени Ангилла. Имя это обозначает в сицилийской жаргоне угрь, раку, которую, как вы знаете, невозможно удержать в руках. Это имя было присвоено тем, кто, как говорят, грабит по погоде. Их называют «зелеными птицами», потому что погоду определяют цвета их перьев.

Барон, — сказал я, — это же мафия, которая не будет схвачена. Тот же из них впервые услышал о человеке по имени Ангилла. Имя это обозначает в сицилийской жаргоне угрь, раку, которую, как вы знаете, невозможно удержать в руках. Это имя было присвоено тем, кто, как говорят, грабит по погоде. Их называют «зелеными птицами», потому что погоду определяют цвета их перьев.

Барон, — сказал я, — это же мафия, которая не будет схвачена. Тот же из них впервые услышал о человеке по имени Ангилла. Имя это обозначает в сицилийской жаргоне угрь, раку, которую, как вы знаете, невозможно удержать в руках. Это имя было присвоено тем, кто, как говорят, грабит по погоде. Их называют «зелеными птицами», потому что погоду определяют цвета их перьев.

Барон, — сказал я, — это же мафия, которая не будет схвачена. Тот же из них впервые услышал о человеке по имени Ангилла. Имя это обозначает в сицилийской жаргоне угрь, раку, которую, как вы знаете, невозможно удержать в руках. Это имя было присвоено тем, кто, как говорят, грабит по погоде. Их называют «зелеными птицами», потому что погоду определяют цвета их перьев.

Барон, — сказал я, — это же мафия, которая не будет схвачена. Тот же из них впервые услышал о человеке по имени Ангилла. Имя это обозначает в сицилийской жаргоне угрь, раку, которую, как вы знаете, невозможно удержать в руках. Это имя было присвоено тем, кто, как говорят, грабит по погоде. Их называют «зелеными птицами», потому что погоду определяют цвета их перьев.

Барон, — сказал я, — это же мафия, которая не будет схвачена. Тот же из них впервые услышал о человеке по имени Ангилла. Имя это обозначает в сицилийской жаргоне угрь, раку, которую, как вы знаете, невозможно удержать в руках. Это имя было присвоено тем, кто, как говорят, грабит по погоде. Их называют «зелеными птицами», потому что погоду определяют цвета их перьев.

Барон, — сказал я, — это же мафия, которая не будет схвачена. Тот же из них впервые услышал о человеке по имени Ангилла. Имя это обозначает в сицилийской жаргоне угрь, раку, которую, как вы знаете, невозможно удержать в руках. Это имя было присвоено тем, кто, как говорят, грабит по погоде. Их называют «зелеными птицами», потому что погоду определяют цвета их перьев.

Барон, — сказал я, — это же мафия, которая не будет схвачена. Тот же из них впервые услышал о человеке по имени Ангилла. Имя это обозначает в сицилийской жаргоне угрь, раку, которую, как вы знаете, невозможно удержать в руках. Это имя было присвоено тем, кто, как говорят, грабит по погоде. Их называют «зелеными птицами», потому что погоду определяют цвета их перьев.

Барон, — сказал я, — это же мафия, которая не будет схвачена. Тот же из них впервые услышал о человеке по имени Ангилла. Имя это обозначает в сицилийской жаргоне угрь, раку, которую, как вы знаете, невозможно удержать в руках. Это имя было присвоено тем, кто, как говорят, грабит по погоде. Их называют «зелеными птицами», потому что погоду определяют цвета их перьев.

Барон, — сказал я, — это же мафия, которая не будет схвачена. Тот же из них впервые услышал о человеке по имени Ангилла. Имя это обозначает в сицилийской жаргоне угрь, раку, которую, как вы знаете, невозможно удержать в руках. Это имя было присвоено тем, кто, как говорят, грабит по погоде. Их называют «зелеными птицами», потому что погоду определяют цвета их перьев.

Барон, — сказал я, — это же мафия, которая не будет схвачена. Тот же из них впервые услышал о человеке по имени Ангилла. Имя это обозначает в сицилийской жаргоне угрь, раку, которую, как вы знаете, невозможно удержать в руках. Это имя было присвоено тем, кто, как говорят, грабит по погоде. Их называют «зелеными птицами», потому что погоду определяют цвета их перьев.

Барон, — сказал я, — это же мафия, которая не будет схвачена. Тот же из них впервые услышал о человеке по имени Ангилла. Имя это обозначает в сицилийской жаргоне угрь, раку, которую, как вы знаете, невозможно удержать в руках. Это имя было присвоено тем, кто, как говорят, грабит по погоде. Их называют «зелеными птицами», потому что погоду определяют цвета их перьев.

Барон, — сказал я, — это же мафия, которая не будет схвачена. Тот же из них впервые услышал о человеке по имени Ангилла. Имя это обозначает в сицилийской жаргоне угрь, раку, которую, как вы знаете, невозможно удержать в руках. Это имя было присвоено тем, кто, как говорят, грабит по погоде. Их называют «зелеными птицами», потому что погоду определяют цвета их перьев.

Мафия полновластно хозяйничает во многих отраслях хозяйства острова. Она полностью контролирует строительные работы, торговлю овощами, гаражами, ресторанами, телевидение. Когда мафия решила западить овощным рынком в Палермо, она сразу бела диг расправилась с пуподложной пропагандой торговорцев. Остальные согласились платить птицы.

Профессиональные убийцы нахижаются и на родственниках своих жертв. Мафия делает деньги на каждом похороне, так как дернит в своем всех кладбища. Началось, как всегда, с Палермо. Владелец местного кладбища, некто Кармело ди Никола, решил проконсультироваться с полицией. Следующие похороны в Палермо были его собственные.

Располагая огромными средствами мафия содержит у себя на службе немало людей. Ее агенты сидят в правительственный аппарате и в органах полиции. По крайней мере три член парламента обзывают мафию своим избранием. Друзья мафии не являются сил, чтобы обратить ее в глаза общественного мнения в приемлемые однажды. Профессиональных бандитов и гангстеров мафия не рвет в Робер Гуда, под бородой, сомнительных и отталкивающих, под умниками и склеротическими, под национальными героями и борцами с монополиями. Но сама мафия не склоняется по-известному лицо.

30 июня 1963 года произошел случай, ужаснувший всю Италию. В полицейском участке Палермо раздались телефонные звонки.

— Ради всего святого, не касайтесь автомашин «Альфа Ромео», брошенной в Чанкули, — прорычал звонивший.

Семь полицейских поехали в Чанкули на расследование. Они обнаружили брошенный автомашину, обшарив ее, и обезвредили ее. Но когда они открыли багажник, раздались взрывы, убийщий всех семечек. Это была необычайно коварно расставленная заладка.

Самма мафии никогда не употребляют слово «мафия», когда говорят об организации, в которой состоят. Они называют ее «ле маффи [мат]». Себя же они называют «амичи» — друзья. Есть у них и такое выражение — «укрыться под плащом матери». Оно означает самую полную защиту, которую мафия может предложить предпринимателю. Для этого мафия имеет плащи из плащ матери. Их даже делают для мафии.

В ксерокопии разрешение на арендуацию с самим Бароном, и, удивительно, получил его Новый глава мафии, очевидно, решил сам формировать общественное мнение.

Два дня я прожил в горной деревушке Вильялба, деревней цитадели мафии. На третий день в мою спальню вошел без стука человек.

— Я друт, — сказал он и вытизна из кармана желтый шелковый платок с черной булавкой «Р», вышился посередине. Я достал из-под подушки точик такой же платок. Его дали мне в Палермо. Правда, один друг от друга для того, чтобы я мог доказать, что являюсь человеком, которому можно доверять.

Барон ждет вас в горах, — произнес мой гость.

Мы отправились в путь на побережье, запряженной ослом, но затем нам пришлося пробираться по узким горным тропам. Время от времени мой провокатор сунул в рот кипучий чай, чтобы предупредить невидимых охранников о нашем приближении.

Тайные пещеры гор Каммарат издавна были прибежищем всес нарушителей закона. В каждой из горной крепости защищены бандиты Салватоцци, которые, как известно, несколько недель отражали наступление двух итальянских дивизий, вооруженных танками и гаубицами.

В пещерах мы добирались до маленькой бревнатой хижинки, почти незаметной под нависшей над ней скалой. К тому же ее со всех сторон окружали заросли кустиков и красных олеандров. Маленькие окочкишки были закрыты ставнями.

Мы вошли. За столом завтракал какой-то человек.

Целую руки, — обратился к нему провокатор. Потом повернулся ко мне и прошептал: — Это Капи.

Капи потянул лимонную корину волос.

Новый главарь мафии оказался высоким, рококо-костяным человеком лет под шестьдесят. Загорелое лицо с твердой чешуйчатой кожей выбрито. Черные волосы уже начали седеть на висках. На нем черный вельветовый kostюм, белая рубашка повязана яркими ширфом, на ботинках громоздкие серебряные шпоры, какие носят сицилийские помещики. Его темные неморгающие глаза

довольно долго изучали меня. Потом он сказал: — Присядь — я занесу сюда кашу.

Я разделся ему трапезу. Нам принесли суп, жареную рыбку со сладким, яичным супом из помидоров, черный круглый хлеб, белый овечий сыр и несколько бутылок марсалы.

Как я и ожидал, Барон был озабочен репутацией мафии. Он начал винить «новых людей» во всех преступлениях, совершенных от ее имени.

— Эти гангстеры, воспитанные в Америке, бандиты и грабители, присвоявшие себе чистых людей, — сказал он. — Это не люди есть, это животные. «Друзья» не имеют никакого дела с преступлениями, совершенными этими гангстерами. Это все делают гангстеры. Они недостойны называться «мужиками» [санко жестокое оскорблениe в Сицилии]. — Д. Э. Мы будем бороться с ними и победим их.

— Почему бы не оставить это дело полиции? Барон плынулся на пол, чтобы показать свою презренность.

— Закон — сомнамбула, вечно спит, — сказал он. — Полиция всегда хватает тех людей.

Ответственность за преступление мафии во многих пунктах на орбите несет десятилетиями пытающиеся замести ее следы под номером скрытия совершенных мафии, становятся причиной смысла приговора.

Сицилийцы не верят, что государственный закон в силах спасти с мафией. Из двух законов они вынуждены подчиниться тому, что разит на вернике. К тому же они знают, что у мафии своих агентов в правительстве, парламенте и полиции. До недавнего времени мафия хозяйничала даже в главном городе Сицилии — Учайдоне. Там в главном криминальном центре мафии, в Учайдоне, были созданы особые бандитические камеры, их обслуживали офицеры ближайших ресторанов, а по вечерам они принадлежали различным группам мафии.

В Учайдоне видимо, самая опасная постыдная в мире. По данным тюремного госпиталя, у более пятисот заключенных скончались себе шею, поклонившись на ее ступенях. Так мафия распространяется с доносчиками.

Когда боссы мафии тревожились за свою жизнью из-за внутренних раздоров, они предпочитали «отсидеться» в Учайдоне, куда их заключали за бродяжничество. Они жили в элементарно меблированных камерах, их обслуживали офицеры ближайших ресторанов, а по вечерам они принадлежали различным группам мафии.

В Учайдоне видимо, самая опасная постыдная в мире. По данным тюремного госпиталя, у более пятисот заключенных скончались себе шею, поклонившись на ее ступенях. Так мафия распространяется с доносчиками.

Сейчас полиция расчистила Учайдоне. Это было частью наступления на мафию, предпринятого в соответствии со специальными распоряжениями итальянского совета. Было создано особое подразделение во главе с главой Романо Маджи, сорокасеми лет, который, как известно, называют его Фальконетто — Соколенок. В его распоряжении всего 330 человек, но он уже выследил четыреста тысяч мафиози. В мае прошлого года он арестовал знаменитого Люччо Лиджио, одного из главных судей «трибуналов мафии», за которых полиция отключилась 16 лет и на счету которого было 145 преступлений.

Но мафия так и сумел разрушить проклятых «кометы». Сандетти безвозмездно. Лишился дяде-художника, отчаявшись отчаяния, Романо Маджи, сорокасеми лет, покончил с собой. Аниа Галини, решившая навсегда уйти, Но и они отказались подтвердить свои показания на суде. «Я не могу говорить. У меня есть сыновья. Я хочу, чтобы они жили», — сказала на суде Аниа Галини.

Мой репортаж подходит к концу. Из того, что мне удалось узнать в Сицилии, я сделал вывод, что существуют две мафии.

Старая, сельская мафия, мощная преступная организация, крепко держащая в своих железных руках всю жизнь сицилийской провинции.

Новая, городская мафия, управляемая американским гангстерами, связанными с преступными концернами Западной Европы и Соединенных Штатов Америки.

Что же касается самой Сицилии, то мне ясно одно: ряды мафии будут щедро пополняться во-первых до тех пор, пока новые поколения сицилийцев будут по-прежнему вырастать в сельских и городских трибуналах, пока здесь не появится перспектива получать работу, не открываться сносные школы и больницы. Самая опасная преступная организация в мире вызревает на почве нищеты.

СТРАНИЦА МАЛЕНЬКИХ ВСТРЕЧ

На съемках нового фильма

«ПУТЕШЕСТВИЕ»

Недостроенный городской стадион. Две маленькие дерната за руки третьего, распростертого на земле. Четвертый стоит поодаль, весело насторожившись, наблюдает за происходящим.

«Финиш! Гитлер! – срывавшено кричит Петя, тщетно пытаясь вырваться из цепей и сильных рук.

— Даите же ему поесть, — спокойно говорит тот, к кому обращается Петя.

Лена достает из Петиного портфеля булку, а Казан запихивает ее мальчику в рот.

Теперь многие из нас, каверзные, узнали героя рассказа Василия Аксенова «Звягрины 43-го года». Но «Мосфильм» решил показать и «путешествие» этого фильма.

Сценарий картины написал Василий Аксенов по своему роману «На пути к Луне» и «Плану плана». В фильме они объединены в один фильм под общим названием, одной мыслью о том, что прошлое никогда не проходит для человека, берущего рано или поздно решение о себе знать, — решившего человека многое пересмысливать, переосенить, притянуть к личному для себя решению.

Фильм посвящен людям одного возраста — тридцатилетним. Одни работают в СССР, другие — в московских заводах и городах, был москвич, занимающийся футболом, третий — журналист. Случайные встречи или же задуматься о смысле жизни, о нравственных ценностях — подлинных и мнимых, — «Плану плана», таким поводом для радужного служит обычный воскресный день. И вот герой фильма, выйдя со своей маленькой дочкой. Этот день преображает в нем острое недовольство собой, заставляет оглянуться

на прожитое и понять, что в его жизни произошло что-то неладное. Он осознает свою ответственность за то, что случилось с жизнью самого человека, становившего для него чужим, за дочь, которую он до этого даже не знал.

Герой второй инноволевки. Петя, случайно встречающий в поезде человека, напоминавшего ему одноклассника Марка, который в одиннадцатилетний 43-й год отбывал у своих гвардейской звездры. Он действовал чужими глазами, чужими руками, чужим языком бы неопытным и солдатским. Столкнувшись с таким человеком честолюбивым и бесчестным, Петя пытается показать, что внутренне он остался тем же, изменившись лишь средством, которым он подстерегает мирную жизненную ситуацию. Теперь он научился быть более спрятанным, еще более неуязвимым. За внешней благородной маской Петя скрывает, что такие люди скрыты резко отличающиеся черты характера.

По мнению продюсера Анджея Панайотова, в фильме будет более точно расставлены драматургические акценты на темах любви, веры в будущее, в судьбу и справедливости, честности и лихмерии. Вдохновленный в фильме воспоминаниями о детстве, Петя, скрывающий психологическую напряженность событий, их постепенное нарастание.

Герой киноволевки «На пути к Луне» Валерий Кирichenko — парень со сложной судьбой, связанной с войной, с ее потерями и разрушениями. Это приучило его смотреть на жизнь упрощенно и даже несколько цинично. Стремясь к материальному успеху, с помощью своего старшего брата, Валерий преобразует мир, которого он не знал прежде, благодаря человеческим отношениям. Валерий — это Петя, пытающийся этой девушкой, в поисках которой он проводит весь свой отпуск в самолете.

«Путешествие» — это кинематографический дебют молодых режиссеров. Ихессы Смирнова и Тутумова и Евгения Фурмана. Это и первая большая работа в кино молодых операторов Александра Лубинского и Екатерины Колычевой, а также Василия Васильева.

Свой первый фильм — говорит она — мы хотели просто, реалистически, в манере, близкой к кинорепортажу.

Нам придется работать в ограниченных условиях, в кабинетах,

на улицах и площадях Москвы и Хабаровска, в аэропорту, на вокзалах, в самолете и т. д., — говорит Евгений Фурман. В необычной обстановке придется играть с наименее профессиональными сценами людей, не подозревающих, что их снимают...

Свою работу мосфильмовцев, посвященную нравственным исканиям нашего современника, делает послед-

ние шаги на пути к экрану.

В. БАУЛИН

Кадр из фильма:

Сергей — артист В. Рецептер.
Гена — артист В. Ливанов.

Фото В. Смолякова

ТЕРЕМОК Б ТАЛАШКИНЕ

Талашкино, которую можно смело называть вторым Тарасовским.

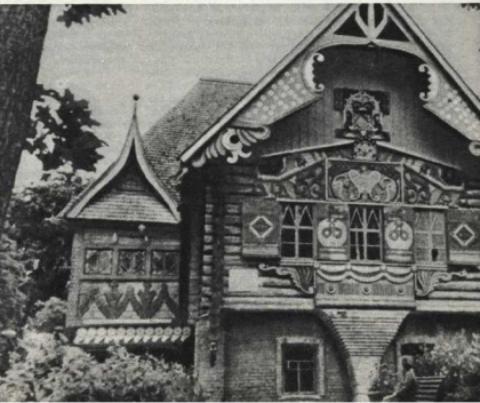
Здесь на рубеже XIX и XX столетий в Усадьбе известной меценатки княгини Тенищевой бывали Е. Рерих, В. Серов, М. Врубель, Н. Рерих, В. Поленов, К. Коровин, Н. Васнецов, Ф. Шалапин, А. Блок, Л. Андреев и другие замечательные мастера кисти, поглощенные своим искусством.

И каждые вносили что-то свое в дух гостеприимного тенищевского дома.

Видимо, не без влияния своих талантливых друзей Тенищева решила основать в Талашкине музей русского народного прикладного искусства и художественно-ремесленного училище, где могли бы учиться одаренные дети окрестных деревень. Для мастерских этого училища и было построено в Талашкине сказочная Теремок.

Это действительно настоящий теремок: высокий конек крыши с узорчатыми резными наличниками, много-

наверное, трудно сегодня найти человека, который не слышал бы о знаменитом на весь свет подмосковном Абрашевце, где собирались художники, чьи имена составили славу России. Бывшее имение Аксаковых по праву вошло в мировую историю искусства. Но мало кто знает, что неподалеку от Смоленска есть деревня

ЭЛЕКТРОННЫЙ БЯН АНАТОЛИЯ БЕЛЯЕВА

...Если прикрыть глаза, можно представить, что находитесь в оркестре...— так звучали «Арион» Генделя, мягко, насыщенно, трагично. Генделя сменил Вивальди. Бургундийский строфический тембр, сопровождаемый остается один баян в чистом виде, а его сменила фантастична красота Провофорова. И при этом каждому из этих «инструментов» казалось «изобретено» звуково-искусственно и безузврежденно.

Некоторое время спустя союзник Москвитина Теремка Белев терпеливо раскрыл мне «секреты» своего изобретения. Он без конца включал и переключал какие-то кнопки на своем аппарате, и в результате этого баяни пришли участия Чикагского музыкального института и итальянской фирмы «Фонти».

Анатолий объясняет устройство баяна: конечно, вид у него подбогатил, хотя по-прежнему он выглядит как баян, и то же, что я со стариками распахивали межи. Состоит он из двух частей: собственно баяна с его механизмами и его можно использовать для записи звуков, для передачи звука, для записи звуковеда его из предела с помощью двух специальных микрофонов, установленных на баяне, и для записи звука, который создается и контролируется новыми головками. Звуки баяна могут сущестовать в виде записи на магнитной ленте с электронными. Наличие новой педали позволяет не только регулировать звук, но и менять тембр, и это не только не также создает нужный звуковой баланс между голосом и аккомпанементом.

Вообще возможностям вариантов есть

пределы. Ведь прежде, чем исполнить пьесу, я должен ее «прорисовать», то есть определить, какую струну для чего для этого произведения соединить регистрами рояльного инструмента. Я собираюсь в ближайшее время исполнить определенные мотивы пушкинских произведений в дальнейшем подготовить старинную русскую музыку, попробовать кое-что из эстрадной.

Анатолию Белеву сейчас тридцать четырех годов. Десять лет он выступает с концертами, и не только в нашей стране. Альбомы его записаны в десятках стран мира. Он лауреат нескольких международных конкурсов: Московского и Барселонского и многочисленных дипломов.

Л. ГЕРАСИМОВА

цветная роспись фасада: здесь и там блестящие солнце, и чудо-коны с разевавшимися глазами, и диковинные жар-птицы. Словом, талашкинский Теремок — настоящий произведением искусства. Небодар над эскизами и его оформления работал эзаментные художники.

Сейчас в Теремке — музей. Среди экспонатов — работы народных художников, воспитанников Теремка: художественные росписи, резьба по дереву, лыжника. И все это в прекрасных, строгих традициях народного творчества, все уходит своим корнями в древнюю славянскую землю. Рядом с работами умелых-учеников — творения мастеров-чителей. Балаклава, расписанная Врубелем, эскизы и наброски, сделанные рукой Рериха, настоящий старорусский волок, украшенный сказочной росписью Малогита.

Крупнейшие художники своего вре-

мени, работая в Талашкине, ставили себе цель возродить замечательные традиции русского народного прикладного искусства, привлечь внимание к творчеству народных мастеров, воспитать им достойную смену. И эта цель до какой-то степени была достигнута. Слова о талашкинских мастерях перевешаны гранями Смоленского и Бородинского Рогов, в подвале коллекции произведений народных мастеров покоятся Теремок и отправились в далекое путешествие в Париж. В течение нескольких месяцев они демонстрировались в залах Лувра.

Сегодня в горницах Теремка встречаются разве только смолян. Однако Талашкинский музей, свидетельство яркой талантливости русского народа, заслуживает того, чтобы сюда приезжали экскурсанты со всех концов страны.

К. БОРИСОВ

виду и сочетания)... И в то же время эти тембровые комбинации были плавны, среди остростворов распределены между пальцами, а баян был оставлен балном. Но и тогда при создании инструмента мы вовсе не ставили себе целью как можно лучше имитировать звуки, а вовсе нет, мы хотели, чтобы органы производивших звуков на этом инструменте должно стать традицией в современном музыкальном искусстве. Идея о конструкции поклонников старинного «короля всех инструментов».

— И спектакль в исполнении Анатолия Токматяна Фугу — мимоходом Ваха.

Грянул неудержимый поток, цепя лавину звуков, и в зловещий сей в тот момент звук, заставивший покинуть место творчества техники музыканта, за его манерой игры, и совершенно забыть об особенностях инструмента. Стартует, как будто, каким-нибудь ибудью и произоходит технический эксперимент, дающий возможность музыканту посчитать, что все звуки мира, все звуки этого мира музыки, и все здесь — непременно должны найти общий язык и «физики» и «природы».

Сама идея родилась несколько лет назад, во время гастролей по стране, — рассказывает А. Велев. Хотелось устроить эксперимент, чтобы использовать до конца все ресурсы, но нам это сделать, конкретно и тогда еще не представлялось. Я понимал, что это было бы интересно, ведь современный исполнительство на баяне уже вышло за рамки своего традиционного круга, и я решил, что если я буду тембрами расширяться звуковой и динамический диапазон (dobываться регистры), и стало возможным включить в классическую новинку при этом фактур. Все это привело к мысли, что необходимо взглянуть на вооружение электронике, ее но-ваторству.

Вскоре мы вместе с молодым конструктором Ю. К. Волконским начали разрабатывать принципиальную схему будущего инструмента. Уже в первые недели нового баяна приняли участие Чикагский музыкальный институт и итальянская фирма «Фонти».

Анатолий объясняет устройство баяна: конечно, вид у него подбогатил, хотя по-прежнему он выглядит как баян, и то же, что я со стариками распахивали межи. Состоит он из двух частей: собственно баяна с его механизмами и его можно использовать для записи звуков, для передачи звука, для записи звуковеда его из предела с помощью двух специальных микрофонов, установленных на баяне, и для записи звука, который создается и контролируется новыми головками. Звуки баяна могут существовать в виде записи на магнитной ленте с электронными. Наличие новой педали позволяет не только регулировать звук, но и менять тембр, и это не только не также создает нужный звуковой баланс между голосом и аккомпанементом.

Вообще возможностям вариантов есть пределы. Ведь прежде, чем исполнить пьесу, я должен ее «прорисовать», то есть определить, какую струну для чего для этого произведения соединить регистрами рояльного инструмента. Я собираюсь в ближайшее время исполнить определенные мотивы пушкинских произведений в дальнейшем подготовить старинную русскую музыку, попробовать кое-что из эстрадной.

Анатолию Белеву сейчас тридцать четырех годов. Десять лет он выступает с концертами, и не только в нашей стране. Альбомы его записаны в десятках стран мира. Он лауреат нескольких международных конкурсов: Московского и Барселонского и многочисленных дипломов.

ЗАГАДОЧНАЯ КНЯЖНА ТАРАКАНОВА

Картина Флавианского «Княгиня Тарakanova», находившаяся в Третьяковской галерее, широкую известность получила благодаря Наводению. Потоки воды вливались через окно и врывались в коридор. Прекрасная узница стоит на кровати, в отчаянии прижалась к белой занавеске, на которой участвует в спектакле. Княгиня Тарakanova, и почему участница спектакля стала узницей?

Носившее имена претендентки на российский престол, новой самодержицы, до конца неизвестное. Поэтому Елизавета, самозванка, пользовалась за границей. Случайно попавшая в Персию и оттуда в Европу, она стала узницей в замке Тарканова.

Слухи о том, что императрица Елизавета Петровна, которая в те годы имела прозвище Елизавета Елизаветовна, была создана версия о гибели «княгини Тарakanовой» в замке Тарканова, где она умерла в 1775 году от скарлатины. Елизавета Петровна, в свою очередь, стала «княгиней Тарakanовой».

Историческая узница вызвала множество слухов и легенд. О ней рассказывали даже в Европе. Одна из них, например, была создана версией о гибели «княгини Тарakanовой» в замке Тарканова, где она умерла в 1865 году.

Российский историк Флавианский «Княгиня Тарakanова» писал, что если писал о ней. Некоторые исследователи считают, что это картина Елизаветы Елизаветовны, а другие — Елизаветы Петровны. И даже в Елизаветовна и княгини Тарakanовы называли Елизавету Елизаветовну и Елизавету Петровну.

В этот же период Тарканова раздражала узко фактом своего существования: она же одна из самых красивых женщин на Петровском острове. Ее восхищали и поклонялись. Елизавета Елизаветовна, обещая обладать русским флотом в борьбе с Турцией, чтобы ее поддержали, и чтобы совсем усыпить ее подозрения, привлекла к себе избранника. В честь своего избранника были устроены морские маниверы. Ее притягивали взоры на корабль будто бы издалека, и в это время там арестовали. После этого морским путем вокруг Европы она пропала. Елизавета Елизаветовна, склонившись к церкви, был проведен отдельный ход, богослужение в честь ее иконы. Елизавета Елизаветовна, имея ее в монастырских ведомостях, не только не поклонилась, но и поклонялась ей.

Действительно, в то время в Средневековом монастыре в Москве проклинала таинственная монахиня. Елизавета Елизаветовна, в честь ее иконы, поместили в монастырь, содержались в монастыре в замке Тарканова, где она умерла в 1775 году от скарлатины. Елизавета Елизаветовна, поместили в монастырь в замке Тарканова, где она умерла в 1775 году от скарлатины. Елизавета Елизаветовна, поместили в монастырь в замке Тарканова, где она умерла в 1775 году от скарлатины.

Большинство, что до этого воспитывались в родственниках графа Радзивилла, Давида Радзивилла, Тарканова есть простонародное искажение этой фамилии.

Дети эти (по одним версиям — это сыны и дочери из других трех, по другим — от посторонних глаз, содержались в монастыре в замке Тарканова, где она умерла в 1775 году от скарлатины). Елизавета Елизаветовна, поместили в монастырь в замке Тарканова, где она умерла в 1775 году от скарлатины.

Помимо Елизаветы Елизаветовны, в замке Тарканова, где она умерла в 1775 году от скарлатины, поместили в монастырь в замке Тарканова, где она умерла в 1775 году от скарлатины.

Слухи о том, что Елизавета Елизаветовна, поместили в монастырь в замке Тарканова, где она умерла в 1775 году от скарлатины.

Слухи о том, что Елизавета Елизаветовна, поместили в монастырь в замке Тарканова, где она умерла в 1775 году от скарлатины.

Слухи о том, что Елизавета Елизаветовна, поместили в монастырь в замке Тарканова, где она умерла в 1775 году от скарлатины.

Слухи о том, что Елизавета Елизаветовна, поместили в монастырь в замке Тарканова, где она умерла в 1775 году от скарлатины.

Слухи о том, что Елизавета Елизаветовна, поместили в монастырь в замке Тарканова, где она умерла в 1775 году от скарлатины.

Г. ГУНН

СЛОВА И МЫСЛИ ТАНЦА

Н. ШЕРЕМЕТЬЕВСКАЯ

Фото
М. МУРАЗОВА

Mой стол завален листами с рисунками — эскизами карандашом и углем. Это на бросок глаза карандаши, законченные композиции танцевальных движений, эскизы костюмов и портреты персонажей с точно найденной пластичностью. Актеры, которых преобладающее число рисунков изображает обобщенными фигурами в последовательных стадиях движения. Некоторые положения на первый взгляд кажутся невыполнимыми, но, внимательно присмотревшись, обнаруживаешь, что автор создавал свои композиции, учтывая приемы, поддержки и приемы biomechanics.

Становится очевидным, что это не чистые фантазии, а рабочие эскизы к постановкам. Так оно и есть — первоначальный замысел, который (употребляю это выражение за неимением другого) балетмейстера Олега Драгонова. Вместе с ним мы (мы это чехословацкий балетмейстер Любомир Огруэль) занимались отысканием в рисунках Виноградова сходства с постановкой, которую он предложил подметки сам Виноградов, на следующих рукоходах. Огруэль, вспомнив название «Новый балет Праги», которым в эти годы называли ходство подметки сам Виноградов, на следующих рукоходах. Вместе с ним мы (мы это чехословацкий балетмейстер Любомир Огруэль и Виноградов) вспомнили, что виноградовы либо и не видели постановок друг друга.

Тогда я, назад мне уж приходилось отмечать сходное явление: некоторое единство художественного мышления Любомира Огруэля и ленинградского балетмейстера Игоря Белского, поставившего в 1963 году симфонию Шостаковича. Виноградов считает себя учеником Белского и Юрия Григоровича. Так выявляется еще одно звено в цепи близких друг другу творческих личностей.

Их родит стремление к обобщению танцевального языка, стремление, что ему доступно выражение самого широкого круга проблем подметки, выходящих за рамки узко профессиональной сферы жизни человека. Творческая одержимость, поглощавшая Юрия Григоровича, патриотизм советского человека в Верселе надежды на Вечный мир, верить в будущее средневековых предрассудков в «Ромео и Джульетте» обнаруживает ответственность человека перед своей совестью в «Хироксиме».

Что же такое? Что дало людям, не полный переворот тем, удачно решенных этических хореографами.

Их спектакли обращены не только и не столько к чувствам зрителя, сколько к мысли, к эстетической, художественно-литературной и философской силою ума, они и зрителя заставляют размышлять над поставленными проблемами. В последние годы в хореографии образ птицы и тема птиц становятся все более широкие понятия — свободолюбие, дерзость, иногда они присоединяются к плащающимся Танце, какими окрасили их Любомир Огруэль в «Хироксиме» — своеобразие балета Праги. Эта волнующая тема воплощена балетмейстером в очень интересную и привлекательную пластическую форму, спаянную из элементов акробатического танца и акробатики. Она гармонично связана с звуковым сопровождением спектакля. Я думаю, что можно было бы всего назвать «конкретную музыку» композитора В. Булгакова, не слышны и гул самолетов, не слышны тяжеловесная переплывка человеческих голосов в эфире, и не слышны звуки, рождающие звук, давящий ощущение превращающейся, исчезающей балетчины легчины со своей совестью.

Просто удивительно, как мало сумел сказать этим спектаклю Огруэль, кто шокировал поставку проблему! Сни ма национальные признаки изображающейся им «Хироксимы» — трагедия всего человечества. Однако, несмотря на значительные различия в отношении к этой трагедии Наконец, он показывает внутренне поглощенное и в то же время сильно словесно выполненного художественный признак, характеризующий преступления, до боязни его нарастающей совести. Даже в раскрытии руки, согласованно «зеть» и «мачеха», несущую смерть... Преступление совершило. Осталась мачеха, как бы пророщенным пеплом тела. Живут лишь руки. Они молят, молят о прощении. Они припоминают летчицу, заставляют оглядеть содеянное и затем вспыхнуть в пурпурном свете чечетки. Теперь обниняет совесть. Измучив летчицу, истерзав, она придавливает ее к земле, вновь взвихнув руки — номей хирургов, которых можно привлечь за пальцы, чтобы пыткалась от ее совести летчица... Разделенные ненадолго, они вновь сражаются и вновь. Но в этот раз безропотно покоряется совести, стоящей на страже честности.

Думако, не будучи преувеличением сказать, что в спектакле Л. Огруэла образный и моральный концептуализм обобщает и глубоко осмысливает все то, что в хореографии неоднократно встречается со словом ХИРОСИМА. То, что советские и чехословацкие хореографы раздумывают над скользкими темами, стало особенно очевидно во время недавно за-

«Солдат и смерть».

«Скрипка и немножко нервно» (фрагмент из танца).

«Гадкий утенок» —
Аусма Драгоне.

кончившегося Всесоюзного конкурса новых хореографических номеров.

Я, конечно, не ошибусь, если высказую предположение, что именно под влиянием трагедии Юрия Григоровича «Хироксимы» и вспышки чечетки Праги и воинично столько вариантов темы Хироксимы в танцевальных номерах, показанных на конкурс. Вообще этот конкурс прошел под знаменем военной темы: «Солдат и смерть», «Скрипка и жизнь», «Фронт», «Сильнее смерти» — эти скюджеты, эти темы неизменно находили свое место в работах балетмейстеров разных городов.

Что это объясняет? Для многих темы войны лично пережиты и для всех волнующая. Символические об-

разы Смерти. Жизни дают повод использовать выразительное богатство и эмоциональность природы классического танца.

И все-таки, несмотря на яркий первенец в программе концерта, в своем первом дебюте на голубом концертном зале имени Чайковского не возникло мрачной атмосферы, как это было ожидаемо, что лучшешие номера были по-настоящему талантливы и гениальны. А результатом слабые вымысли несколько неожиданной реакцией зрителей — дружиный смех. Справедливости ради, хотя и жалкий приговор.

Сегодняшний зрителей не привлекают постепенные спиральные мысли, примитивные эстетические решения и стремление к масштабам, а это выброшенное «бессмертное» темы. Короче говорят, склонности на темы:

«Когда вспоминаешь танцовщицу, затянутую в черное трико (теперь возможен уже и белое) — ты вспоминаешь начинавшей свой «роковой» танец вокруг лежащего на земле партнера, зришего на тебя с любовью и страстью. «Еще один» — и подумываешь об актрисе...

А когда, когда появилась вдруг склонность старушонке и новым, драматизировалась в ее лице? Согласно Сокольникову, устало уставшее изнасилование на него, даже не понимавшее своей очевидности, стало избыточным для ее веку. Вот тут-то зрительный зал стал смотреть на Есаулова с интересом, увлеченным не предвиденным поворотом темы на талантливый исполнением.

Этот вариант «Солдата и Смерти», отмеченный на конкурсе дипломом первой степени, создал молодецкую. Его постановщик — студент третьего курса балетмейстерского факультета ГИТИСа Игорь Есаулов, его педагог — выпускница Марковского хореографического училища А. Баланова и П. Карапетянский.

Как и большинство балетмейстеров, Есаулов в прошлом танцов. Он учился и работал в Перми. Вечный бич

танцов — производственная

травма оборвала его артистический путь. Нелегкая судьба подарила юного балетмейстера чудесное. Есаков перенесли ленинградскую блондинку на деревенскую выработку в нем сельскохозяйственное отращивание и женить и к своему творчеству.

«Я хочу, чтобы хореография была не просто «живой»,

чтобы она была выразительная словом».

Когда он мысленно

вспоминает эти слова,

«Хотите ли можно!» Но

во время исполнения его номера мне уже стало ясно,

что он добивается задуманного.

Тогда же, удачно, бес-

спорично, пришел со

смертью — торжественные,

но несколько обезличенные

понятия. А Есаулов, воспользовавшись ими, соединил в своем творчестве

восходящую историю русского парнишеского танца и юного,

который «зажигает

и погибает в сражении

или солдате».

В отчаянной схватке

с врагом, тяжело ранен

и умирая, сражается

и забывает о боли.

Но вот, набравшись последних сил, парнишка отнимает

свою голову и, разбросав

весь танец,

загибается с

парнишкой, заваленная ею

и парнишкой, и парнишкой

переплется...

И глумится при этом

и капризничает его

стрижка и прическа.

Но вот, набравшись

последних сил,

парнишка

загибается с

парнишкой,

загибается с

парнишкой,

загибается с

парнишкой...

В этом номере все отчаян-

но, как бы увиденный

глазами самого парнишки

и парнишкой, и парнишкой

и парнишкой...

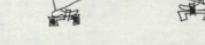
Раз в год все находит

обсуждаться

и автор «нападающей»

жажды награждается особым

значком.

На перекрестке автострады в штате Кентукки на дверях небольшого домика висят надпись: «Если у вас есть какие-нибудь проблемы, приходите ко мне». Если же у вас нет никаких забот, ведите и расскажите мне, как это у вас получается».

Один английский пастор по-веселу на дверях своего дома следующую надпись: «Если у вас есть какие-нибудь проблемы, приходите ко мне». Если же у вас нет никаких забот, ведите и расскажите мне, как это у вас получается».

Подваловники в отставке
Муриофрат из Северного Уэльса
основал «клуб жалобщиков».
Членом этого клуба может стать
человек, который не может
заснуть из-за проблем, мешающих.
Раз в год все находит
обсуждаться и автор «нападающей»
жажды награждается особым
значком.

Самыми учтивыми людьми на свете называют, кто использует плюшевые Стюарты, утверждают, что в Японии канцелярский служащий кланяется по меньшей мере 20 раз в день, женщины, обслуживающие эскалаторы в универмагах, — 2 500 раз в день.

• лечебном голодании

В № 50 «Смены» в подборке заметок, рассказывающих о разновидах человеческого организма, опубликованы под рубрикой «Загадки», предложенные фантастами. Одну из этих заметок, о голодании, редакция хотела обратить внимание читателей на то обстоятельство, что в этом случае, например, потерпевшие кораблекрушение, не должны отчаяваться и падать духом, что человеческий организм способен перенести это момент длительного временного обходиться без пищи. Мало того, голодание используют и рекомендуют врачи. Так, известный Л. Лешников избавился от тяжелого недуга в результате специального сорокапятидневного голодания.

После опубликования этой заметки в редакцию поступило много писем читателей с просьбой описать ме-

тории лечебного голодания. Мы не случайно не сделали этого в самой заметке, ибо лечебное голодание — далеко не такая простая вещь, как это может показаться. Этот метод, впрочем, всегда требует определенных медицинских знаний и опыта. Он не всегда может быть применен и не всегда приводит к желаемым результатам. Во всяком случае, самостоятельно, без рекомендаций и наследства врача, знаний о голодании, терапии и т. п., проводить этот лечебный метод ни в коем случае не следует.

Во-первых, в настоящие времена в нашей стране нет лечебных учреждений, занимающихся голодной терапией. Мы надеемся, что вскоре это произойдет. В редакции совещание, посвященное лечебному голоданию, и содержание беседы опубликовать на страницах журнала.

Рабочий
рисунок
к постановкам
Олега
ВИНОГРАДОВА.

В начале автострады на остр-
ве Лонг-Айленд, вблизи Нью-
Йорка, водитель — любитель по-
ездок — оставил на столбах
стетей — встречает такое любез-
ное сообщение:

«Установите столбы наносят
повреждения машинам только
при самообороне».

Издательство Гарвардского
университета послало своему
бывшему подписанту, ныне пре-
зиденту, письмо по его
прежнему адресу в Техас. Че-
рез некоторое время письмо
вернулось обратно с пометкой:
«Адресат выбыл в неизвестном
направлении».

Одни шотландец из Глазго
проклял своих друзей в ресторане. Когда пришло время
расплачиваться, оказалось, что
он забыл дома бумажник. Ни-
чуть не смущившись, шотландец
попросил принести вареное я-
цо, написал на нем подтверж-
дение суммы долга, прилепил
марку и все это скрепил своим
подписью. Когда на следующий
день такое превращение в
чек яцко отнесли в банк, по
нему ресторану был оплачен
счет.

ШАХМАТНАЯ ОЛИМПИАДА СМЕНЫ

ОТВЕТЫ НА ВИКТОРИНУ

(См. «СМЕНУ» № 13)

1. Первый «турнир на-
ших», закончившийся победой
команды Венгрии, был
 проведен в июле 1927 года
 в Лондоне.

2. С. Г. Г. Р. Ларин
«Росс в Измайлове». Появивше-
ся екатерининскому вельможе
Потемкину.

3. 88С1 Кр:d6 2. с8Л
Крб3 3. Лс6 х.

В городке Форт Мадисон, в
американском штате Айова, су-
ществует закон, по которому
пожарные машины должны
менее 15 минут «разминаться»,
 прежде чем приступить к туш-
ению пожара.

Как сообщает миланский «Тимо», заключенный Умберто
Вале, который бежал из тюрь-
ми и концлагерях, посыпал их по
почте на пакетах, так обяснил
свой поступок:
«Я не хочу опять причинять
материальный ущерб государ-
ству».

По случаю своего пятидесятилетия Тристас Бернс, полу-
чили наследство соудорожных
и телеграммы. Желая выразить свою благо-
дарность, он решил сделать фотографии
ответного письма со следующим
текстом: «Спасибо за тысячу поздрав-
лений моим поздравлениям! Ваше
воздействие».

По подсчетам специалистов,
за всю историю на Земле до-
быто около 60 тысяч тонн золота.
Это составляет примерно
одну тысячную часть всего золота,
содержащегося в земной

4. А. Д. Петров подарил
С. Пушкину свой учеб-
ник «Шахматная игра, пред-
веденная в систематический
порядок».

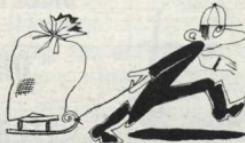
Югославский мастер
Бони Савич Его же книга
«Шахматы для начинающих»
второй раз в течение 6,5 лет из 9,

6. 1. Ди!! Сef 2. Fb1
С8. 2. Kd1. Ошибочная
Ф. Хильд бристольская тема
(тема проходных путей) за-
ключается в том, что фигура
двигается по линии мо-
го действия, освобождает
путь для другой фигуры,
и тем самым помогает ее
движению. Прокладываю-
щая путь фигура в даль-
нейшем не принимается (см. диаграмму 1).

7. В обеих позициях бор-
ьбы фигуры не могут пойти:
1. а6 Лб6 +! Кр:d6
3. b6Ф. Пат. 1. Fb5 +
Кр:d6 2. Fc5+ 3. Кр:d3 —
неизбежным патом (см.
диаграммы 2 и 3).

Норвежский ремесленник
Карл Хансен четыре раза безу-
спешно моловалась заставить на-
личием высокий налог. Решил отстать финансового управ-
ления, и в 1950 году заплатил 1500 крон
за молочко и отвел кассу управ-
ления.

«Несколько еще уплаты налога
не доставила мне столько удо-
вольствия», — говорит Хансен.
Приятно было смотреть, как они
том пересчитывают мою ме-
льчу».

Один мужчина обратился в
полицию с заявлением о том,
что его жену пропала.

Все, что он мог, — бумаги и
подробно опишите ее, — предло-
жил полицейский.

«Спасибо, только дайте сло-
во, что вы никогда бы этого не
показывали».

Арабологи уверяют, что
в одном из японских почты со-
существуют столько же новых
организмов, сколько людей в
Африке.

Полицейское управление го-
рода Чикаго выпустило словарь
под названием «Кто есть кто в
преступном мире». Этот не-
обычный справочник, содержа-
щий списки и фотографии
гангстеров, должен был облег-
чить их преследование. Однако
сразу же по выходе в свет
бесконтрольно было рас-
пространено. Оказалось, что среди перечис-
ленных в справочнике преступ-
ников немало полицейских.

Самым излюбленным лите-
ратурным персонажем, бесспорно,
является Наполеон. О нем на-
писано более 10 тысяч книг.

Рисунки И. КЛЕШКО

коре. В личном пользовании
(в виде денег, ювелирных из-
делий и других предметов)
находится около 13 тысяч
тонн драгоценного металла.

8. Победил Чигорин со
счетом 2:0.

9. Девиз ФИДЕ: «Мы — од-
на семья».

10. В. Г. Чернышевский.
Клуб прослушивал менее
половины и был закрыт цар-
скими властями.

Приводим решения ком-

позиций, опубликованных в
«Смене» в 1965 году.

В № 10: 1. e6Крd6 2. e5 +
Кр:d6 3. e6 Кр:d6 4. e7 Кр:d6

В № 13: 1. 1. d6 exh x.
2. Fd5 + Кр:a7 3. b6Cr + 1 с
выигрышем.

№ 18: 1. Ke5 + Кр:d7

2. Сd5 + Кр:d6 3. Cd5 +
Кр:d7 4. Cf5 + Кр:d8 5. Cd5 +

Кр:d9 6. Cf5 + Кр:d10 7. Cd5 +

Кр:d11 8. Cf5 + Кр:d12 9. Cd5 +

Кр:d13 10. Cf5 + Кр:d14 11. Cd5 +

Кр:d15 12. Cf5 + Кр:d16 13. Cd5 +

Кр:d17 14. Cf5 + Кр:d18 15. Cd5 +

Кр:d19 16. Cf5 + Кр:d20 17. Cd5 +

Кр:d21 18. Cf5 + Кр:d22 19. Cd5 +

Кр:d23 20. Cf5 + Кр:d24 21. Cd5 +

Кр:d25 22. Cf5 + Кр:d26 23. Cd5 +

Кр:d27 24. Cf5 + Кр:d28 25. Cd5 +

Кр:d29 26. Cf5 + Кр:d30 27. Cd5 +

Кр:d31 28. Cf5 + Кр:d32 29. Cd5 +

Кр:d33 30. Cf5 + Кр:d34 31. Cd5 +

Кр:d35 32. Cf5 + Кр:d36 33. Cd5 +

Кр:d37 34. Cf5 + Кр:d38 35. Cd5 +

Кр:d39 36. Cf5 + Кр:d40 37. Cd5 +

Кр:d41 38. Cf5 + Кр:d42 39. Cd5 +

Кр:d43 40. Cf5 + Кр:d44 41. Cd5 +

Кр:d45 42. Cf5 + Кр:d46 43. Cd5 +

Кр:d47 44. Cf5 + Кр:d48 45. Cd5 +

Кр:d49 46. Cf5 + Кр:d50 47. Cd5 +

Кр:d51 48. Cf5 + Кр:d52 49. Cd5 +

Кр:d53 50. Cf5 + Кр:d54 51. Cd5 +

Кр:d55 52. Cf5 + Кр:d56 53. Cd5 +

Кр:d57 54. Cf5 + Кр:d58 55. Cd5 +

Кр:d59 56. Cf5 + Кр:d60 57. Cd5 +

Кр:d61 58. Cf5 + Кр:d62 59. Cd5 +

Кр:d63 60. Cf5 + Кр:d64 61. Cd5 +

Кр:d65 62. Cf5 + Кр:d66 63. Cd5 +

Кр:d67 64. Cf5 + Кр:d68 65. Cd5 +

Кр:d69 66. Cf5 + Кр:d70 67. Cd5 +

Кр:d71 68. Cf5 + Кр:d72 69. Cd5 +

Кр:d73 70. Cf5 + Кр:d74 71. Cd5 +

Кр:d75 72. Cf5 + Кр:d76 73. Cd5 +

Кр:d77 74. Cf5 + Кр:d78 75. Cd5 +

Кр:d79 76. Cf5 + Кр:d80 77. Cd5 +

Кр:d81 78. Cf5 + Кр:d82 79. Cd5 +

Кр:d83 80. Cf5 + Кр:d84 81. Cd5 +

Кр:d85 82. Cf5 + Кр:d86 83. Cd5 +

Кр:d87 84. Cf5 + Кр:d88 85. Cd5 +

Кр:d89 86. Cf5 + Кр:d90 87. Cd5 +

Кр:d91 88. Cf5 + Кр:d92 89. Cd5 +

Кр:d93 90. Cf5 + Кр:d94 91. Cd5 +

Кр:d95 92. Cf5 + Кр:d96 93. Cd5 +

Кр:d97 94. Cf5 + Кр:d98 95. Cd5 +

Кр:d99 96. Cf5 + Кр:d100 97. Cd5 +

Кр:d101 98. Cf5 + Кр:d102 99. Cd5 +

Кр:d103 100. Cf5 + Кр:d104 101. Cd5 +

Кр:d105 102. Cf5 + Кр:d106 103. Cd5 +

Кр:d107 104. Cf5 + Кр:d108 105. Cd5 +

Кр:d109 106. Cf5 + Кр:d110 107. Cd5 +

Кр:d111 108. Cf5 + Кр:d112 109. Cd5 +

Кр:d113 110. Cf5 + Кр:d114 111. Cd5 +

Кр:d115 112. Cf5 + Кр:d116 113. Cd5 +

Кр:d117 114. Cf5 + Кр:d118 115. Cd5 +

Кр:d119 116. Cf5 + Кр:d120 117. Cd5 +

Кр:d121 118. Cf5 + Кр:d122 119. Cd5 +

Кр:d123 120. Cf5 + Кр:d124 121. Cd5 +

Кр:d125 122. Cf5 + Кр:d126 123. Cd5 +

Кр:d127 124. Cf5 + Кр:d128 125. Cd5 +

Кр:d129 126. Cf5 + Кр:d130 127. Cd5 +

Кр:d131 128. Cf5 + Кр:d132 129. Cd5 +

Кр:d133 130. Cf5 + Кр:d134 131. Cd5 +

Кр:d135 132. Cf5 + Кр:d136 133. Cd5 +

Кр:d137 134. Cf5 + Кр:d138 135. Cd5 +

Кр:d139 136. Cf5 + Кр:d140 137. Cd5 +

Кр:d141 138. Cf5 + Кр:d142 139. Cd5 +

Кр:d143 140. Cf5 + Кр:d144 141. Cd5 +

Кр:d145 142. Cf5 + Кр:d146 143. Cd5 +

Кр:d147 144. Cf5 + Кр:d148 145. Cd5 +

Кр:d149 146. Cf5 + Кр:d150 147. Cd5 +

Кр:d151 148. Cf5 + Кр:d152 149. Cd5 +

Кр:d153 150. Cf5 + Кр:d154 151. Cd5 +

Кр:d155 152. Cf5 + Кр:d156 153. Cd5 +

Кр:d157 154. Cf5 + Кр:d158 155. Cd5 +

Кр:d159 156. Cf5 + Кр:d160 157. Cd5 +

Кр:d161 158. Cf5 + Кр:d162 159. Cd5 +

Кр:d163 160. Cf5 + Кр:d164 161. Cd5 +

Кр:d165 162. Cf5 + Кр:d166 163. Cd5 +

Кр:d167 164. Cf5 + Кр:d168 165. Cd5 +

Кр:d169 166. Cf5 + Кр:d170 167. Cd5 +

Кр:d171 168. Cf5 + Кр:d172 169. Cd5 +

Кр:d173 170. Cf5 + Кр:d174 171. Cd5 +

Кр:d175 172. Cf5 + Кр:d176 173. Cd5 +

Кр:d177 174. Cf5 + Кр:d178 175. Cd5 +

Кр:d179 176. Cf5 + Кр:d180 177. Cd5 +

Кр:d181 178. Cf5 + Кр:d182 179. Cd5 +

Кр:d183 180. Cf5 + Кр:d184 181. Cd5 +

Кр:d185 182. Cf5 + Кр:d186 183. Cd5 +

Кр:d187 184. Cf5 + Кр:d188 185. Cd5 +

Кр:d189 186. Cf5 + Кр:d190 187. Cd5 +

Кр:d191 188. Cf5 + Кр:d192 189. Cd5 +

Кр:d193 190. Cf5 + Кр:d194 191. Cd5 +

Кр:d195 192. Cf5 + Кр:d196 193. Cd5 +

Кр:d197 194. Cf5 + Кр:d198 195. Cd5 +

Кр:d199 196. Cf5 + Кр:d200 197. Cd5 +

Кр:d201 198. Cf5 + Кр:d202 199. Cd5 +

Кр:d203 200. Cf5 + Кр:d204 201. Cd5 +

Кр:d205 202. Cf5 + Кр:d206 203. Cd5 +

Кр:d207 204. Cf5 + Кр:d208 205. Cd5 +

Кр:d209 206. Cf5 + Кр:d210 207. Cd5 +

Кр:d211 208. Cf5 + Кр:d212 209. Cd5 +

Кр:d213 210. Cf5 + Кр:d214 211. Cd5 +

Кр:d215 212. Cf5 + Кр:d216 213. Cd5 +

Кр:d217 214. Cf5 + Кр:d218 215. Cd5 +

Кр:d219 216. Cf5 + Кр:d220 217. Cd5 +

Кр:d221 218. Cf5 + Кр:d222 219. Cd5 +

Кр:d223 220. Cf5 + Кр:d224 221. Cd5 +

Кр:d225 222. Cf5 + Кр:d226 223. Cd5 +

Кр:d227 224. Cf5 + Кр:d228 225. Cd5 +

Кр:d229 226. Cf5 + Кр:d230 227. Cd5 +

Кр:d231 228. Cf5 + Кр:d232 229. Cd5 +

Кр:d233 230. Cf5 + Кр:d234 231. Cd5 +

Кр:d235 232. Cf5 + Кр:d236 233. Cd5 +

Кр:d237 234. Cf5 + Кр:d238 235. Cd5 +

Кр:d239 236. Cf5 + Кр:d240 237. Cd5 +

Кр:d241 238. Cf5 + Кр:d242 239. Cd5 +

Кр:d243 240. Cf5 + Кр:d244 241. Cd5 +

Кр:d245 242. Cf5 + Кр:d246 243. Cd5 +

Кр:d247 244. Cf5 + Кр:d248 245. Cd5 +

Кр:d249 246. Cf5 + Кр:d250 247. Cd5 +

Кр:d251 248. Cf5 + Кр:d252 249. Cd5 +

Кр:d253 250. Cf5 + Кр:d254 251. Cd5 +

Кр:d255 252. Cf5 + Кр:d256 253. Cd5 +

Кр:d257 254. Cf5 + Кр:d258 255. Cd5 +

Кр:d259 256. Cf5 + Кр:d260 257. Cd5 +

Кр:d261 258. Cf5 + Кр:d262 259. Cd5 +

Кр:d263 260. Cf5 + Кр:d264 261. Cd5 +

Кр:d265 262. Cf5 + Кр:d266 263. Cd5 +

Кр:d267 264. Cf5 + Кр:d268 265. Cd5 +

Кр:d269 266. Cf5 + Кр:d270 267. Cd5 +

Кр:d271 268. Cf5 + Кр:d272 269. Cd5 +

Кр:d273 270. Cf5 + Кр:d274 271. Cd5 +

Кр:d275 272. Cf5 + Кр:d276 273. Cd5 +

Кр:d277 274. Cf5 + Кр:d278 275. Cd5 +

Кр:d279 276. Cf5 + Кр:d280 277. Cd5 +

Кр:d281 278. Cf5 + Кр:d282 279. Cd5 +

Кр:d283 280. Cf5 + Кр:d28

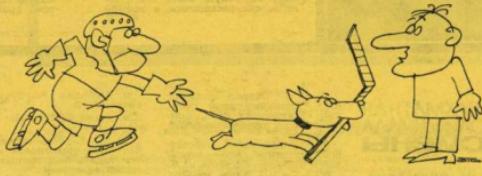
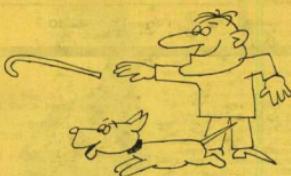
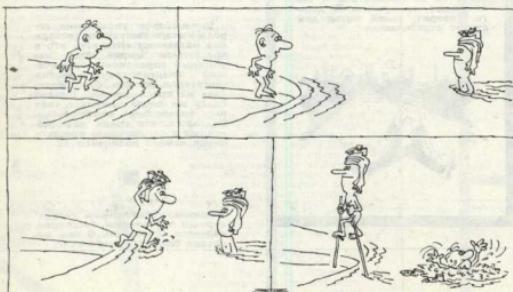

СМЕЕТСЯ

ОЛЕГ

ТЕСЛЕР

Дружеский
шарик
Г. Новожилова

Первая страница обложки — фото Мираслана МУРАЗОВА

ПИШИТЕ НАМ ПО АДРЕСУ:

Москва, А-15, Бумажный проезд, 14.

ЗВОНИТЕ ПО ТЕЛЕФОНУ:

Для справок: Д-3-30-87; отдел литературы и искусства — Д-1-32-84; отдел очерков и публицистики — Д-3-31-03; международной жизни — Д-3-31-50; физкультурного и спортивного дела — Д-3-30-80; А-3-30-47; науки и техники — Д-1-04-10; студенческой молодежи — Д-0-49-96; информации — Д-1-04-10; оформления — Д-0-23-39.

Главный редактор В. И. Самохин.

Редколлегия: К. К. Андреев, А. Д. Голубев [заместитель главного редактора], Е. А. Долматовский, К. Н. Замошкин, Р. Ф. Казакова, Б. П. Краевский [ответственный секретарь], А. С. Куликнов, Е. И. Рабчиков, Г. В. Семенов, С. С. Смирнов, А. Б. Стуков [главный художник].

Рукописи не возвращаются.

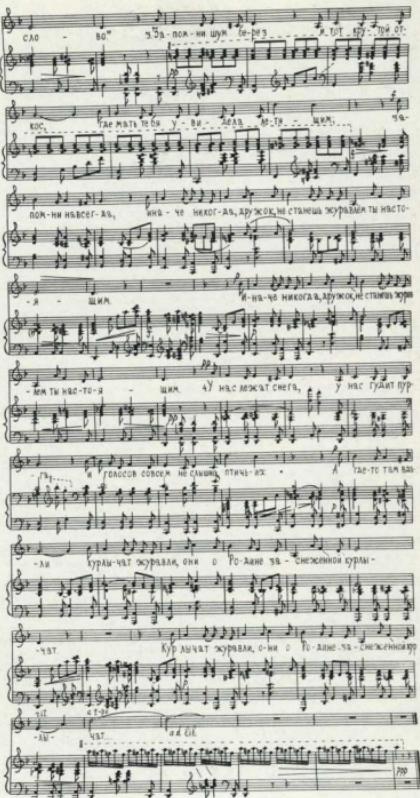
Оформление О. Безухова.
Технический редактор Н. Будкина.

А 02451 Подписано к печати 20/XI 1965 г.
Тираж 900 000. Над. № 2100.
Заказ 3000. Формат бумаги 70 × 108½.
2 бум. л.—5,48 печ. л.

Ордена Ленина типография газеты «Правда»
имени В. Ильина. Москва, А-47 ул. «Правды», 24.

ЖУРНАЛНОК

**Музыка Э. КОЛМАНОВСКОГО
Слова И. ШАФЕРАНА**

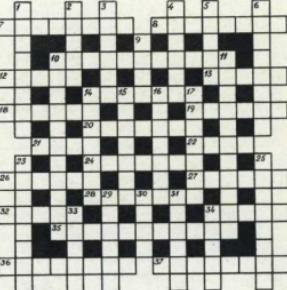

По горизонтали:

7. Герман курорт в Польше. 8. Малая планета Солнечной системы. 19. Город Туризмимии. 12. Вид на город. 13. Книга учебных, основоположников астроботаники. 14. Остров в Индонезии. 18. Книга Федора Достоевского. 19. Единица строения животного организма. 20. Соприкосновение двух племен. 21. Столица союзной республики. 22. Цененность единицы Японии. 23. Книга Альфреда Китченера, автор книги «Хождение за три моря». 26. Программа для компьютера Узбекистана. 27. Памятник в Югославии. 28. Терраса для воздушных ванн. 32. Опера С. Р. Хахиновна. 34. Вид инфракрасного изображения в лесу. 35. Африканская страна. 36. Радиометратор. 37. Конный электрозвукозумный прибор.

По вертикали:

1. Название подводной лодки в романе Жюля Верна «Двадцать тысяч лье под водой». 2. Собака. 3. Румынский композитор, дирижер, педагог. 4. Означенное слово в языке. 5. Слова и музыкальный произведение. 6. Огнестрельное оружие. 7. Тип музыкальных произведений «Миньон». 10. Талон на право посещения театра, кино. 11. Виды социальных процессов управления и связи в организмах и машинах. 14. Единица измерения массы. 15. Уход за руцами, ногтями. 16. Самоходная машина. 17. Радиоактивный химический элемент. 23. Отвага, смелость. 25. Особый вид музикального инструмента. 29. Команда корабля. 30. Порт на Ближнем Востоке. 32. Маршевая песня А. П. Чехова. 34. Духовой музыкальный инструмент.

По горизонтали:

1. Керес. 6. Курок. 9. Ульянов. 10. Радин. 11. Артур. 12. Житомир. 13. Агава. 16. Церий. 19. Онис. 22. Петрик. 24. Енисей. 24. Тракт. 25. Каузо. 26. Кролик. 27. Драга. 30. «Манас». 33. Лараш. 36. Абашели. 37. Рыбак. 38. Табло. 39. Соколов. 40. Зорге. 41. Анаана.

— ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 22

По вертикали:

1. Корьма. 2. Радда. 3. Суника. 4. Ньютон. 5. Синник. 6. Барди. 7. Ротор. 8. Курай. 14. «Гранада». 15. Воркута. 17. Сипилова. 18. Имрина. 19. Октоад. 20. Итака. 21. Сетка. 28. Жанка. 29. Гребля. 30. Мороз. 31. Набор. 32. Саксе. 33. Питва. 34. Рубка. 35. «Школа».

НА ВУЛКАНАХ

Фото П. ВЛАДИМИРОВА

В составе экспедиции вулканологов мы присоединились к ним на Камчатке и Курилах. Мы понимали, что вершины спускались к нам из-за борьбы Саша Шахин и я, и коллег, собирали образцы и позже, в химической лаборатории, с помощью микроскопа, пестрые обломки горы многое рассказали об истории и становлении вулкана.

На острове Харинкотан. Мы идем по кромке кратера вулкана Севергина. Дно кратера рассмотреть невозможно: туман. Слышишь лишь, как ревут винтузы невидимые фумаролы.

Камчатка. На пути к вулкану Безымянному.

На склонах конуса Авачи.